

СЛЕПОЙ СЕКУНДАНТ

ЛАРЬЯ
ПЛЕЩЕЕВА

ИСТОРИЧЕСКИЕ
ПРИКЛЮЧЕНИЯ

Исторические приключения (Вече)

Дарья Плещеева

Слепой секундант

«ВЕЧЕ»

2013

Плещеева Д.

Слепой секундант / Д. Плещеева — «ВЕЧЕ»,
2013 — (Исторические приключения (Вече))

1788 год. Идет русско-турецкая война. При осаде Очакова ранен пехотный офицер Андрей Соломин. Получив сильный удар по голове, он лишается зрения. Верный дядька Еремей везет его в Санкт-Петербург к молодому врачу Граве. Андрей останавливается у своего друга Григория Беклешова. Тот готовится к свадьбе сестры. Машу выдают замуж за молодого графа Венецкого. Но накануне венчания в дом Венецких попадают письма Маши, из которых видно, что у нее есть незаконнорожденный ребенок. Свадьба расстраивается, а Машу самодур-отец выгоняет из дому. Венецкий, который любит Машу, но не в силах противостоять родне, ищет ее и приходит к Григорию. Тот в ярости вызывает его на дуэль. Секундантом он называет случайно оказавшегося рядом Андрея. Беклешов гибнет, а Венецкий убегает. Теперь долг Андрея – отомстить за друга и Машу. Но кому? И что может сделать слепой офицер без больших денег и связей?..

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.	61
-----------------------------------	----

Дарья Плещеева Слепой секундант

© Плещеева Д., 2014

© ООО «Издательство «Вече», 2014

* * *

Утомленные долгой дорогой кони уже не бежали рысцой по грязному утопанному снегу, а едва плелись, опустив головы. Да и неудивительно – возок, обтянутый побуревшей и растрескавшейся кожей, прибитой проржавевшими от времени гвоздями, был нагружен двумя тяжелыми большими сундуками. На поворотах повозку так заносило, что боже упаси.

Столичные улицы пустовали – после веселых Святков с гуляньями петербуржцы тихо приходили в себя. В этот час добрые люди, отужинав, собирались на покой, надевая кто – ночную сорочку с теплой кофтой и чепчик, кто – халат поверх исподнего и ночной колпак. Когда к утру печи остынут, чепчик и колпак не дадут простудиться. Но как же будет приятно, когда снова разгорится печь, с поварни прилетит аромат только что сваренного кофея, а на стол взгромоздится тускло-медный самовар или сбитенник, окруженный призрачным облаком живого тепла!..

Ох, как хочется тепла после бесконечной дороги по зимнику!

Возок миновал Ново-Московский мост над недавно прорытым Обводным каналом и свернул влево – к слободе Измайловского полка. Там молодой кучер Тимошка дважды спросил у прохожих солдат дорогу. За манежем, проехав еще малость, Тимошка пригляделся к двухэтажному дому, в котором горело всего одно окно, и опознал его по примете – низкой резной калитке и толстому чурбачку, в хорошую погоду заменявшему сиденье, под снежной шапкой возле нее. Убедившись, кучер натянул вожжи.

– Тпрусеньки... Диво, что до ночи доехали, – сказал он, соскакивая наземь и топая ногами, чтобы разогнать кровь. – Милостив Бог! Дядя Еремей, а дядя Еремей! Как там барин?

Окошки потрепанного возка были плотно затянуты серым сукном – выглянуть невозможно. Кривая низкая дверца отворилась, высунулась небритая суровая физиономия.

– Нишкни... Подсоби-ка... Андрей Ильич, сударик мой, пожалуй ручку... ножку вот сюда... Тимошка, дверь держи, черт немазаный...

Вдвоем они вывели из экипажа мужчину в распахнутой шубе поверх армейского пехотного мундира, но без треуголки – ее заменяла круглая меховая шапка. На голове у приезжего, кроме того, были две повязки, белая и черная. Белая, видная из-под шапки, обхватывала лоб и затылок, черная закрывала глаза. И шуба, и даже шапка мужчины оказались в сене, которым Еремей ради тепла и мягкости заботливо устлал возок.

– Андрей Ильич, через три шага калитка. Раз, два, три... – поддерживая барина под локоть, говорил Тимошка. – Вот она, стойте. Отворяй, дядя Еремей.

– Что там? – спросил Андрей. – Утро?

– Вечер, мой батюшка, – отвечал Еремей. – Тимошка, ступай, постучись.

Одним прыжком взлетев на крыльцо, кучер забарабанил в дверь.

– Кого бес несет на ночь глядя? – отозвался старческий голос.

– Дядя Никита, мы это! Свои! Господин Соломин да мы с дядей Еремеем! Отворяй!

– Ахти мне! Приехали! Что ж без письма? Барин и не ждал... Отворяю, отворяю!

– Какое письмо?... – проворчал Еремей. – Писать-то некому...

Дверь распахнулась, Андрея ввели в сени. Он помнил эти сени, помнил кисловатый запах и те четыре шага, что следовало сделать до другой двери. Вот только направление утратил – качнулся было вперед, но замер в неуверенности.

– Помогай, дядя Никита, – сказал Тимошка, – а я к коням, обиходить надо...

– Вели Ивашке, пусть выйдет, – перебил Еремей. – Поможет чемодан с сундуками внести. Старый слуга поднял свечу повыше и с изумлением уставился на гостя.

– Андрей Ильич, да что же это? Святые угодники... как же?

– А вот так, – буркнул Еремей. – Теперь понял, отчего письма не было? Иди, доложи барину.

– Бегу, бегу... Ах ты ж, горе какое... – Дядя Никита, уже разувшийся на ночь, пошлепал по коридору, призывая: – Барин, барин, ваша милость! Господин Соломин! Выходите, встречайте!

Ему навстречу уже спешил хозяин в полосатом архалуке, кое-как подпоясанном, в турецких парчовых туфлях. Голова его была повязана красным фуляром. Невзирая на причудливый вид, всякий житель столицы сразу же опознал бы в этом полноватом молодом человеке гвардейца – по уверенной повадке и статности, по приятному округлому лицу да по дорогим перстням на пальцах.

– Соломин! Что это с тобой?

– Превратности фортуны, Беклешов, – отвечал Андрей. – Могу я у тебя переночевать?

Еремей меж тем отряхнул его шубу и шапку, потом, стянув их с питомца, очистил его мундир от шубной шерсти.

– Да что ж ты меня не обнимешь? Вот дурень! Живи, сколько пожелаешь! Дядя Никита, спроворь там, как полагается... Все с ледника тащи... Дурак я, горячего с дороги надо! Яишню, яишню жарь! И венгерского не забудь, выпить за встречу!

– Полковой наш доктор мне пить запретил, – хмуро сказал Андрей. – И к самому Баллоду меня возили, что генерал-майора Кутузова лечил. У Кутузова это уж вторая рана такого свойства, думали – не выживет, а Баллод его в августе с того света вытащил и зрение вернул. Тот подтвердил: ни водки, ни вина! Потому – черт его разберет, это головное устройство...

– Да как же – не выпить? Столько не видались!..

– Григорий Иваныч, барин не шутит, – добавил Еремей. – При мне говорено. Так прямо плешивый черт и брякнул: сопьешься с горя. А коли удержишься – есть надежда, что будешь различать эти, как их... очертания...

– Да помолчи ты, тараторка, – прервал его Андрей. – Гриша, я вовсе не желаю говорить об этом.

– И не надо, – вдруг осознав всю глубину беды, ответил Гриша. – Идем. Пока ужинаем, тебе комнату приготовят. Я полковые новости расскажу. Не надо было тебе из полка выходить...

– Что сделано – то сделано, назад не поворачишь.

– Ты еще скажи, что иного пути не было... Давай руку...

Андрей и Гриша вошли в комнату, служившую столовой и гостиной. Ивашка уже успел зажечь свечи. Еремей помог барину снять мундир, попытался было и камзол ему расстегнуть, но был шлепнут по руке.

– Садись, сударик мой, – сказал он, правильно подставляя стул. – Вот говядина разварная, отрезать ломоть? Вот курица жареная, стегнушко изволишь? Холодное, правда, все...

– Яишняя сейчас поспеет! А завтра велю принести из трактира горячее, – пообещал Гриша. – Хочешь ли видеть кого из наших?

– Нет. У меня письмо от доктора Баллода к какому-то Граве, что в Гончарной проживает. Завтра с утра Тимошка отнесет. Полагаю, и сам туда к нему поеду. А более... более – ни к кому.

Гриша посмотрел на Еремея – тот показывал рукой, что нужно оставить питомца в покое. Гриша кивнул.

– Позволь... – он насадил на вилку ломтик холодной говядины, туда же приспособил кружок соленого огурца и вложил Андрею в ладонь. – И сделай милость, скажи прямо, не колеблясь, – что я могу для тебя сделать?

– Ты все уже сделал – отвел мне комнату. О прочем Еремей с Тимошкой позаботятся. Да, вели Ивашке с дядей Никитой подсобить им сундуки внести. Каждый сундук пуда четыре, я чай, потянет.

– А что... рану перевязать не надо?... Ивашка с утра за фельдшером сбегает.

– Пожалуй, надо, – не сразу ответил Андрей.

Гриша понял, что лучше бы помолчать о ране.

– Последнее твое письмо пришло в Рождественский пост, в самом начале, – сказал он. – Ты писал, что светлейший князь как будто понял: штурма не миновать. Ибо зимовать под стенами Очакова – понапрасну губить людей.

– Да ему уже давно толковали, что пора кончать с осадой и объявлять генеральный приступ, – сказал Андрей. – Останься с нами граф Суворов – не стали бы ждать морозов, чтобы покончить с этой затяжной осадой.

– А верно ли, что Очаков – совершенно европейская крепость? И что французские инженеры сделали ее жемчужиной новейшей фортификации?

– Я бы не сказал так, – подумав, отвечал Андрей. – Бастионы низки, ров сухой, со стороны моря – просто каменная стена. Французы построили десять передовых люнетов¹. Вот тебе и вся Европа.

– Отчего ж с июля держали в осаде?

– Оттого, что перебежчики донесли – вокруг крепости минные галереи, и когда мы пойдем на приступ – тут эти мины и рванут. Светлейший писал нашему послу в Париже, чтобы добыли планы Очакова со всеми галереями. И всем говорил, что сумеет принудить турок к капитуляции без всякого приступа... Да ладно, не будем об этом. Очакова, считай, более нет на свете. Светлейший велел скрыть город и крепость до основания, только замок Гасан-паши зачем-то распорядился пощадить. Там-то, в замке, когда наш полк взял его приступом... Да будет об этом... Я чай, вы тут, в столице, едва ли не лучше нас знаете, кто какую колонну на штурм вел да как пушки через лиман по льду тащили...

– А ведь в прошлую турецкую войну и измайловцы под Очаковым бывали, – заметил Гриша. – Бог весть в котором году, знаю только, что их на приступ сам Миних водил.

– Миних – это при царице Анне Иоанновне. Да ты мне лучше столичные новости объяви.

Гриша стал перечислять знакомцев и события. Андрей молчал и кивал, тихо радуясь, что нашел, чем занять друга.

Потом, когда Андрея отвели в угловую комнату и уложили, Гриша исхитрился вызвать дядю Еремея и отвел его в свою спальню.

– Что стряслось? – спросил он.

– А то не видите, сударь, – хмуро отвечал старый дядька. – Ранен мой голубчик в голову, да рана – пустяк, уж зажила почти. Но то ли от нее, то ли оттого, что в замке со стены свалился и затылком о каменюку треснулся, – глаза служить не хотят, доктор-немец приказал повязку носить.

– Лучших врачей найдем! – пылко пообещал Гриша. – Не может быть, чтобы не вылечили! Глаза-то сами целы?

– Целы. Только глядеть не хотят.

– Заставим!

¹ Люнет (франц.) – полевое укрепление, открытое только с тыла.

– Для того и велел себя в столицу везти. Только ни с кем не хочет про это говорить, так что вы уж, сударик мой, его не допекайте.

– Вот что, дядя Еремей. Сейчас я вряд ли что сделаю – у нас дома свадьба. Машу выдаем. Помнишь Машу?

– Как не помнить. Так ведь дитя еще?

– У нас и пятнадцати лет просватывают, а ей уж восемнадцать. Вот свадьбу отгуляем – я тут же за дело и возьмусь.

– Восемнадцать... – ошарашенно повторил Еремей. – А мне-то сколько тогда?.. – и принялся считать, бормоча и загибая пальцы.

– Тебе, я полагаю, полвека давно уж стукнуло, – весело сообщил Гриша. – Коли ты соломинский дядька – то тебе его, поди, шестилетним отдали? И тебе вряд ли было менее сорока... Погоди... сколько же Соломину?!

Еремей отвлекся от вычислений и замер, приоткрыв рот.

– Двадцать семь? – неуверенно спросил Гриша. – Он всегда был старше меня на пять лет... Или на шесть? – эта арифметика оказалась чересчур сложна и для гвардейца, и для дядьки. – Так вот, дядя Еремей, к Маше отменный жених посватался, – махнув рукой на цифры, продолжал Гриша. – И он ей не противен. Славная парочка! Сам знаешь, большого приданого за Машей нет. Батюшка, чтоб ему...

– Да уж, – согласился Еремей и, не желая заставлять хозяина рассказывать об отцовских непотребствах, сказал: – Красавица, поди, выросла?

– А сам увидишь! Она тебя вспомнит... Что это – Андрей тебя зовет?

– Ох, бегу, бегу... Он, голубчик мой, бессонницей мается, пока не заснет – то одно ему, то другое...

Гриша кликнул своего денщика Ивашку, дал поручения на утро и, выпив еще с полстакана вина, лег спать.

* * *

Андрею было не по себе. Он надеялся, что дорожная усталость быстро нагонит спасительный сон – спокойный и мирный, а не тягостную дрему, прерываемую резкими колыханиями возка. Однако сон все не шел.

– Выведи-ка меня на крылечко постоять, – попросил Андрей сонного Еремея.

– И то – свежим ветерком обдует, полегчает, – согласился старый дядька. – На морозце-то сейчас хорошо... а с морозца потянет в дрему... – он накинул Андрею на плечи шубу, сам поднял с пола тулуп, которым укрывался.

Оба вышли на крыльцо. Следом за ними побрел, едва ль не с закрытыми глазами, до ветру Тимошка.

– Можно посидеть на лавочке, – предложил Еремей. – Вон она, у калитки. Свести со ступенек?

– Сведи.

Мир Андрея теперь состоял из звуков и запахов. Он уже стал привыкать к этому...

До Санкт-Петербурга по зимнику им удалось добраться очень скоро. Теперь следовало поскорее отыскать доктора Граве – как объяснил Андрею герр Баллод, молодого, но очень честолюбивого и толкового немца. Этот Граве приехал в российскую столицу за деньгами и славой и потому брался за трудных больных, чье излечение дало бы ему известность и богатых пациентов. В родном Кенигсберге он несколько раз удачно оперировал людей с поврежденным зрением.

До встречи с Граве Андрей не желал видеть никого из родни и старых товарищей. Тому были две причины: первая – слепота, а вторая – Андрей вышел из гвардии в армейский полк,

потому что гвардейская роскошь была не по карману, и теперь не хотел являться перед молодыми щеголями-измайловцами нищим инвалидом. Гриша – дело особое. Гриша привязался к нему, как к старшему брату, да и был примерно в том же положении – небогат. Но Андрей рано осиротел и рос у двух полоумных теток, которые с младенчества определили его в гвардейский Измайловский полк, чтобы было чем похвалиться в свете. А Гриша имел батюшку – мота и картежника. Приданое сестры Маши ему удалось сохранить чудом – умные люди помогли купить на выделенные матерью деньги ценные вещицы и спрятать их у надежного человека. Об этом приданом ходили всякие слухи, но все сходились на том, что такую красавицу можно взять и в одной застиранной рубашке.

– Стой тут, Дуняшка, – услышал Андрей девичий голосок. – Жди...

Калитка скрипнула, зашуршали юбки, пронеслись по двору быстрые ножки, гостья стала стучать в Гришино окошко, перстеньком о ставень. Андрея и стоящего рядом Еремея она впопыхах не заметила.

– Что еще такое? – громко спросил разбуженный Гриша. – Ивашка!..

– Молчи, Христа ради! – взмолился звонкий голосок. – Братец, батюшка, выручай!

– Маша... – прошептал Андрей.

Он помнил девушку еще десятилетней; бывая у Беклешовых, замечал, как та растет и меняется. Гриша все подшучивал, что растит другу жену...

– Что за диво? – Гриша в одной рубашке подошел к окну, выглянул в щель. – Сестрица? Точно! – он зажег свечу и, кутаясь в шубу, выбежал на крыльцо. – Что стряслось, Маша? Отчего ты здесь?

– Батюшка-братец! – пылко заговорила Маша. – Христа ради, помоги! Мне деньги нужны! Я знаю, тетенька тебе табакерку золотую подарила! Отдай мне, ради Бога, я тебе другую потом куплю!

– Да что стряслось? – спросил Гриша.

– Ой, Гришенька... Деньги нужны! И перстенок с рубином дай... И тот, что с алмазиками... Все, что можешь...

– Ты растолкуй! – перебил сестру Гриша. – Прибегаешь среди ночи, а коли тебя кто заметит, как ты в полку бегаешь? Днем приехать не могла или за мной послать?

– Братец, батюшка, не могла!

– Жениху донесут, как ты по ночам носишься.

– Христа ради, дай мне табакерку с перстеньками! И денег – сколько можешь... ну хоть пятьсот рублей!..

– Маша, ты вздор несешь. На что тебе такие деньги? Разве на подвенечный наряд не достало?

– Братец Христом Богом!.. Все верну!.. Не то беда случится!.. Только батюшке не сказывай!

Плачущий девичий голос был невыносим для мужского слуха, солидарность с единственной сестрой перед отцовским самодурством да и просто привязанность к Маше подсказали ответ:

– Погоди, сейчас вынесу. Прими свечу.

– Гришенька, голубчик мой, век за тебя буду Бога молить!

– Ага... – донеслось из глубины дома. – Ты сперва тот грех замоли, что из книжек моих странички для папилюток дергала!

– Дура была, Гришенька, мне же и десяти еще не было!..

– Держи. Я все в платок увязал...

Андрей слушал пылкую Машину речь и немного насмешливую – Гришину. Сбивчивые и спутанные благодарности вызвали у него улыбку – Маше, как он знал, было восемнадцать,

и хрустальный голосок как раз соответствовал этим годам, звенел в ушах колокольчиком, невзирая ни на что – мелодичным.

Маша убежала. Тимошка даже подошел к забору – поглядеть ей вслед, до того ему любопытно стало.

– Ишь ты, – сказал Еремей. – Непременно ей к свадьбе каких-то затей охота... в волосы там или на груди пристегнуть... Уж эти девки... Барин, Андрей Ильич, батюшка мой! Немец тебя вылечит, ей-богу, вылечит! И на красавице своей повенчаешься...

– Как скажешь, дядя Еремей.

– Не веришь ты... Да как же не верить? Для того ли я твою милость сюда чуть не на горбу приволок? Тут этих докторов – на каждом углу! И все – немцы! Все – ученые!

– Тебе, дядя Еремей, на театре любовников играть, – сказал с крыльца Гриша. – Уж так убедительно толкуешь – и мертвую уговоришь!

– Когда у Маши свадьба? – спросил Андрей. – И кто счастливец?

– Граф Венецкий. Помнишь, преображенец? Петр Венецкий. Четыре дня всего осталось. Я страшно рад, что удалось избавить сестрицу от батюшкиной дури. Свекровь, госпожа Венецкая, батюшку страх как не любит и на порог его не пустит. А к Маше она добра. Сама на подвенечное платье дорогие кружева нашивала! – похвастался Гриша.

Андрей попытался вспомнить Венецкого. Так вышло, что фамилию он слышал часто, а встречаться вроде не случалось. Венецкие были богаты и могли позволить себе блажь – взять в дом невестку за одну лишь красоту и благонравие. Но графиня, мать женихова, славилась буйным и переменчивым нравом. То она окружала себя богомолками и не выходила из домово- вой церкви, молясь до рыданий, то приказывала нашить три дюжины платьев, купала целиком две-три модные лавки и месяц странствовала по гостиним, балам и театрам (злые языки передавали, что каждому платью и новый любовник соответствовал).

– Дай Бог, чтобы Маша была в своей новой семье счастлива, – сказал Андрей.

– А ты давно тут на лавочке сидишь? – с беспокойством спросил Гриша.

– Только что вышли, – вместо Андрея ответил сообразительный Еремей.

– Ты, Соломин, всегда в нашем доме желанный гость... И за свадебным столом... все будут рады... – Гриша смутился, прекрасно понимая, что с двумя повязками на голове Андрей ни на какие пиры не пойдет, но позвать друга был обязан.

– Благодарю, Беклешов. Я теперь разве что у докторов гость. Однако подарок Маше сделаю. Я ведь ее еще дитятей знавал... Вот что! Я с войны турецкий ковер привез. Еремей ска- зывал – краше не бывает. А мне на что? Дядя Еремей, вели Тимошке его выколотить. В дороге, поди, загрязнился.

– Его вывесить надобно, сударик мой, чтобы выправился, а то, я чай, заломы на нем, их через мокрую тряпицу утюгом изводить придется. Негоже, чтобы подарок с заломами, – ответил Еремей. – А ковер – коврище! Сказывал толмач Ахмедка, оттого такой большой, что нарочно ткали – в мечеть жертвовать. И круглый! Поперек – чуть ли не шести аршин! Второго такого ковра во всем Питере не найти, так-то!

– А что я выдумал! – вдруг обрадовался Гриша. – Я это ваше турецкое чудо еще до сва- дьбы к Венецкому отвезу. Он наново свои комнаты к свадьбе обставил и убрал. Маша расска- зывала – у них там круглая диванная. Вот туда, в диванную, твой ковер тайно уложим! То-то будет радости!

Андрей улыбнулся – и сразу помрачнел. Машенька ему нравилась, и он бы, подождав, пока подрастет, просил бы руки, но встретилась другая – и все затмила... А потом и очи затми- лись.

* * *

Наутро Андрей велел взять себя к доктору Граве.

Андрей ждал вопросов, доктор – многословных жалоб. Еремей, стоя у двери, дивился на две безмолвные персоны и тоже молчал. Высокий худощавый немец ему, крепко сбитому и щекастому, не понравился. Он даже сравнил Граве с выходцем с того света, уже изрядно погрызенным могильными червяками. Впавшие щеки, глубоко посаженные карие глаза, совершенно лишенное румянца лицо и впрямь наводили на загробные размышления.

Стоячие часы, украшение кабинета, пробили десять.

– Откуда сие несчастье? – вдруг спросил Граве; разумеется, по-немецки.

– Думаю, от сильного удара.

– Вы лаконичны, это хорошо. Эрнест!

Пожилой слуга, сидевший в закоулке за шкафом, вышел в белом фартуке и розовом ночном колпаке, под который волосы были убраны, как у богобоязненной бабы. Этот Эрнест аккуратно и ловко разматал с Андреевой головы повязку и маленькими ножничками выстриг присохшие волоски. Потом стал осторожно отмывать засохшую рану.

– Рассказывайте, господин Соломин, – велел Граве. – Все, что помните.

Андрей довольно знал по-немецки, чтобы объясняться с врачом, а тот по возможности упрощал свою речь, облегчая собеседнику задачу. Видимо, наловчился, пользуясь барынь, которые, кроме русского, знали только французский – и тот через пень-колоду.

– Да что я могу помнить? Свалился со стены, как последний дурак...

– Которое место было ушиблено? От удара там, где рана, слепоты быть не должно. Вспоминайте, пожалуйста.

На помощь призвали Еремея. Он вспомнил, какое место накрывал Андрей в полубреду ладонью, как будто это могло утишить боль. Вспомнил и то, что вокруг глаз образовались страшные черные пятна.

– Я сейчас еще не знаю, как вас лечить. Это тяжелый случай. Но я постараюсь, – сказал Граве. – Я буду все пробовать. Буду собирать консилиум. Пока нужен полный покой.

На том и расстались. Граве, записав адрес Гриши, сказал, что через два дня на третий даст записочку о консилиуме. Взяв за визит немалые деньги, пять рублей, он проводил Андрея до дверей кабинета.

В тот миг, когда прислужник Эрнест выпустил Андрея с дядькой на свежий воздух, к крыльцу подкатил великолепный экипаж с зеркальными стеклами в окнах.

– О, герр Куликов, герр Куликов! – с тем Эрнест, вмиг позабыв о небогатом пациенте, радостно поспешил навстречу богатому, вынимаемому из экипажа лакеями.

Им оказался маленький старичок, не разбирающий дороги. Его не столько ввели на крыльцо под руки, сколько внесли. Синяя шуба мела по снегу. Лица меж низко надвинутой меховой шапкой и вздыбленным воротником было не разобрать.

– Не нравится мне этот немец, – уже в возке заявил Еремей. – Лишнего слова из него клещами не вытянешь. И никакой угодливости нет.

Андрей не ответил. В угодливости он не нуждался.

– Батюшка мой, может, разберемся, что в сундуках-то? – немного погодя спросил Еремей.

Этими сундуками Андрей был обязан полковым товарищам. Когда стало ясно, что зрение не возвращается и нужно ехать на поиски врача в столицу, все, кто знал и ценил Андрея, поделились с ним военной добычей. Он и сам не ведал, чего накидали в кучу под строгим приглядом Еремея. А добыча могла быть самой разной – и браслеты с самоцветами, и дорогие турецкие шали, и чеканное серебро, но главным образом ценное оружие.

Знаток определил бы происхождение пистолетов по крошечному клейму с арабской вязью, еле видному на серебряной оправе. Между оружейниками была некая загадочная связь: турки уважали тульские и льежские стволы, а русские охотно брали ружейные стволы старых турецких мастеров. Так что оружие, которым бились под Очаковым, состояло в некотором родстве.

Андрей не хотел открывать сундуки, потому что знал: этот дар товарищей – прощальный. Они догадались, что капитан Козловского мушкетерского полка Соломин более в строй не вернется, и хотели как-то скрасить боевому товарищу предстоящие годы полного мрака.

Так что ответа на свой вопрос Еремей не получил и сильно огорчился. Он очень надеялся, что приезд в столицу, встреча с Гришей Беклешовым и визит к немцу как-то развеселят питомца. Но Андрей оставался хмур – и явно собирался хмуриться дальше. Его упрямство было Еремею отлично знакомо.

– Так к господину Беклешову едем? – спросил дядька.

– Кой час?

Свои часы Андрей еще под Очаковым отдал Еремею, и тот, в иную пору гордившийся бы таким подарком, сейчас тихо возненавидел безделушку: часы, встроенные в крошечную золотую табакерку, были подарком женщины, которую питомец до войны считал своей невестой, а ныне постановил забыть навеки.

Еремей вытащил табакерку, посмотрел на циферблат.

– Скоро полдень, – сообщил он.

– Едем в какой-нибудь трактир обедать.

Следовало искать трактир где-нибудь на окраине, подальше от мест, где можно встретить измайловцев. Еремею повезло – набредя на заведение «Гамбург», он обнаружил там знакомого, немца-булочника Шварцкопфа, который искренне огорчился, увидев Андрея в повязках, попросил позволения сесть рядом и своей болтовней ухитрился развеселить питомца.

Когда стало смеркаться, вернулись к Беклешову, чтобы заняться ковром. Еремей с Тимошкой наносили на задний двор чистого снега, разложили ковер ворсом вниз и принялись по нему выплясывать. Когда подняли, чтобы повесить на заборе и выколотить, на снегу осталось огромное черное пятно.

Утром ни свет ни заря Еремей разбудил питомца:

– Немец человека прислал! Велел сейчас же к нему собираться!

Не позавтракав, не загнув буклей и не напудрив светлые волосы, потому что при двух повязках это нелепо, Андрей покати к доктору.

Оказалось, Граве нашел в своих записях, лежавших сейчас горой на столе, похожий случай. Он устроил Андрею форменный допрос с пристрастием, так что поневоле вспомнился начальник Тайной канцелярии господин Шешковский, который умел вытащить из подследственного всю подноготную. Ответы он сличал со своими выписками и недовольно хмыкал при несовпадениях.

А что мог вспомнить Андрей? Как скакал по каменной стене замка с обнаженной шпагой, командуя мушкетерами? Самого удара, от коего лишился сознания, он почитай что не ощутил. Потом в голове стало как-то сумеречно – такое случалось в детстве, когда Андрея укладывала в постель горячка. А как именно путаются у бредящего человека мысли – рассказывать нет надобности.

– Многого обещать не могу. В том случае, что я беру за образец, исцеление длилось четыре года и окончательным не стало, – признался доктор. – Больной мог сам ходить по комнатам, но в трех шагах не узнавал лиц... Это прелюбопытное занятие – возвращать человеку зрение. У меня есть пациент – весьма занятный случай. Я готовлю его к тонкой операции. Но сильно беспокоюсь из-за его возраста – пациенту шестьдесят восемь лет. Если бы я мог помочь и вам операционным путем, как господину Куликову... У каждого врача есть люби-

мые пациенты, с которыми более всего трудов и разочарований, но именно с ними случаются открытия. Полагаю, вы – из таких, оттого готов тратить на вас время. Любопытство исследователя – оно надежнее всякого человеколюбия... Были ли у вас в роду люди со слабым зрением? Случалось ли кому под старость обрести дальновзоркое зрение? По отцовской линии было сие?..

Андрей, отвечая, даже ощутил то самое любопытство, о котором толковал доктор, – как из этих сведений Граве сумеет извлечь нужное направление в лечении. Дотошность доктора ему понравилась – она способствовала доверию.

К той минуте, когда Граве сказал «довольно», Андрей уже порядком проголодался. И Тимошка с Еремеем – равным образом. Так что завтрак, совмещенный с обедом, съели в трактире, в самом дальнем и темном углу, чтобы публика не видела, как Еремей помогает питомцу.

В слободу Измайловского полка покатили, когда смеркалось, и у калитки столкнулись с Гришей.

– Григорий Иванович! – воскликнул Еремей. – Что это с вами, сударик мой? Что за беда?

Гриша был без шапки, взъерошенный, дышал тяжело. Извозчик, что привез его на санках, ждал платы, но Гриша, похоже, ничего не соображал.

– погоди, братец, – сказал извозчику Еремей. – Барин не в себе.

Андрей Гришу не видел, а молчание товарища ничего ему не сказало. Что до беспокойства Еремея – то, занятый собственными заботами, Андрей не придавал ему значения. Он знал пылкий Гришин нрав – друг мог впасть в ярость из-за того, что портной ему камзол обузил.

– Здравствуй, Беклешов. Ты отвез ковер? – спросил Андрей.

– Какой ковер?! Свадьба расстроилась! – крикнул Гриша. – Этот подлец отказался жениться на Маше! Я буду с ним биться! Этот позор лишь кровью смывают!

– Постой, постой! С чего он отказался?

– Не знаю! Утром к нам от Венецких письмо привезли – свадьбе не бывать! Маша в комнате своей ревет в три ручья! Батюшка наш драгоценный орет во всю ивановскую! Маша-де семью и беклешовский род опозорила! Маша! Это он – про Машу!

– погоди, погоди! Отчего все расстроилось? Еремейюшка, помоги, – сказал Андрей, не понимая, где крыльцо. – Сейчас сядем, и ты мне все изложишь...

– Да что тут излагать?! – Гриша, напрочь забыв про извозчика, взбежал на крыльцо и скрылся в доме – только дверь громынула.

Еремей вздохнул и рассчитался с извозчиком сам.

– А вот помяните мое слово, неспроста барышня ночью за табакеркой с перстеньками прибежала, – сказал он. – Что-то тут неладно.

– Ты прав.

Гриша оказался в спальне. Его носило из угла в угол. Попавшаяся под руку журнальная книжка была изодрана в мелкие клочья.

– Скажи, – велел Андрей, – чем Маша вдруг Венецким не угодила?

– Ее оговорили! Это гадко повторить даже, какой на нее поклеп возвели! Матушка ей воли не давала, всюду сама с ней езжала, и в собрания, и в театр. Маша!.. Да как такое и на ум взбрело!

– Что взбрело?

– Будто у нее незаконнорожденное дитя!

– У Маши?

– Да! Это поклеп, Соломин! Чистейшей воды поклеп! Это все Венецкая выдумала! Она, поди, для сына богатую нашла! А что Маша навеки опозорена – ей плевать!

– погоди, не вопи! – одернул друга Андрей. – Дыма без огня не бывает.

– Ты о чем?

– Для чего Маша прибежала к тебе ночью денег и вещей просить?

– И ты туда же?!

– Давай сперва докопаемся до правды...

– Маша чиста! Иначе... иначе мне придется с позором выходить из полка! Моя сестра родила незаконное дитя! Да мне шагу не дадут ступить!

– Беклешов!

– Я должен с ним драться, я пошлю ему вызов! Сегодня же вечером условлюсь с секундантами! – выкрикнул Гриша. – Весь Петербург знает теперь, что моя сестра – последнего разбору девка!

– Беклешов, на что ей нужны были деньги?

– Ты подслушивал! – наконец сообразил Гриша. – Это... это гадко, Соломин!

– Виноват я, что ли, что оказался тогда во дворе?

– Ты мог выказать себя! Хоть слово молвить! Ах, как все мерзко... Соломин, уйди, бога ради, не то я тебе гадостей наговорю...

– Я уйду, – сказал Андрей, – а завтра же съеду от тебя. Коли ты меня упрекаешь в том, что противно чести...

– Поступай как знаешь!

Андрей наощупь отыскал дверь и вышел.

– Ах ты, господи, – сказал ожидавший его и подслушавший Еремей. – Батюшка мой, Андрей Ильич, прости ты его, завтра одумается. Тут всякий бы взбесился...

– Он офицер, гвардеец, – холодно ответил Андрей. – Должен держать себя в руках. Должен. Идем собираться.

– Какие наши сборы...

Тут дверь спальни распахнулась, выскочил Гриша и, громко требуя у Ивашки шубу с шапкой, понесся к сениям. Уже в дверях он обернулся.

– Соломин, прости! Кабы не твоя рана – я тебя одного просил бы стать моим секундантом! – с тем он и убежал.

– Вот видишь, – укоризненно заметил Еремей.

– Все равно съезжать надо. Ему теперь не до меня.

– Гордыня это.

– Не хочу никому быть в тягость.

Еремей мог поспорить с Андреем, когда речь шла о денежных тратах, или об исподнем, или о провианте. Но о чести и достоинстве у Андрея было свое понятие, которое старому дядьке порой казалось хуже китайской грамоты. И теперь, ослепнув, барин еще упорнее держался за это понятие – может статься, как за единственную опору.

* * *

Часа через два после того, как Гриша убежал, в дверь заколотили.

– Отвори, Тимоша, – сказал Андрей. – Может, что случилось...

Тимошка выбежал в сени и сразу вернулся, явно напуганный. Следом ворвался богато одетый господин – в роскошной шубе на камчатских бобрах, в собольей шапке. Шапку он с головы сорвал и оказался совсем молодым человеком, не старше двадцати лет, круглолицым и курносым. Его примятые волосы были причесаны по последней моде, с высоко взбитым тупеем, с маленькими пушистыми буклями.

– Сударь, я – Венецкий, – быстро сказал молодой человек. – Я хотел видеть Григория... – и замолчал, уставившись на незнакомого господина с двумя повязками, черной и белой.

– Я друг его, – спокойно отвечал Андрей. – Козловского мушкетерского полка капитан Соломин, к вашим услугам. Хорошо, что вы не встретились. Скажите все мне. Это дело... оно мне кажется весьма странным...

– Я скажу. Я хотел жениться на девице... Все было готово к свадьбе. Я люблю ее, кем бы... кто бы... Если бы эти проклятые письма принесли мне – я бы бросил их в печку! Но их принесли матушке с тетками. Вы и вообразить не можете, что тут началось! Мне пришлось написать письмо с отказом... Меня вынудили!..

– А «проклятые письма» – это что такое? – спросил Андрей.

– Письма, которые Маша писала любовнику своему! У моей невесты – незаконнорожденное дитя, и об этом по милости моих теток, будь они неладны, уже знает весь Петербург!.. Вот в чем беда – а если бы подлая тварь принесла их мне, я бы... я не знаю... Я бы сперва поговорил с Машей... – Венецкий был в полном смятении.

– Вы бы выкупили эти письма?

– Да, конечно! Что бы там ни было... прежде всего – честь! Обошлось бы без шума! – вдруг выкрикнул Венецкий. – Да, клянусь вам, так и скажите Беклешову! Я бы не допустил Машиного позора! А сейчас... сейчас...

– Вы бы прочитали эти письма? – продолжал Андрей.

– Господи, да я бы прочитал любую мерзость сейчас, лишь бы понять, куда она пошла! Отец выгнал Машу из дому! Он и вещей взять не позволил! Я помчался к ней, едва отвязался от моей безумной матушки... А ее-то и нет... Девка ее, Дуняшка, еле ко мне выскочить исхитрилась... Она – здесь, у Беклешова? Да что ж вы молчите, сударь?

– Здесь ее нет. А кабы пришла?

– Я спрятал бы ее в безопасном месте. Я побегу дальше искать ее...

– Подлец! – Гриша резко отворил двери угловой комнаты и стоял на пороге, едва не скрипя зубами от злости.

– Ты неправ! Потому я тебя прощаю! – крикнул ему Венецкий.

– В прощении твоём не нуждаюсь! Ты – тряпка! Дитятко, матушка розгой пригрозила?! Мы будем драться, слышишь?

– Изволь! Присылай секундантов!

– Соломин, секундантом будешь ты!

Этот обмен выкриками случился так быстро, что Андрей и слова сказать не успел. Лишь после того, как Гриша назвал его секундантом, дуэлянты перевели дух – и дали ему несколько мгновений.

– Беклешов, это невозможно. Ищи зрячего. От меня проку мало...

– Никого искать не стану. Ты знаешь, в чем дело, а другому объяснять – нет! Не желаю!

– Но я услышу разве что звон шпаг.

– Этого довольно. У вас найдутся две шпаги одинаковой длины, сударь? – спросил Гришу Венецкий с ледяной вежливостью.

– Непременно, сударь. Стойте тут, я принесу. – Гриша побежал к себе в спальню, где, надо полагать, хранил весь свой арсенал.

– Это нелепица, граф, – сказал Андрей. – Уходите, ради бога...

– Он оскорбил меня! – Венецкий сбросил шубу и стал выпрастывать руки из кафтана. – Ах, черт, как давно я не был в зале... А он, поди, каждый день фехтовал...

– Позвольте мне примирить вас. Хотя бы...

– Нет. Справлюсь.

– Вот они, – Гриша, войдя, протянул Соломину две офицерские шпаги, эфесами вперед, и помог их взять. – Сравни длину. Ведь одинаковы клинки? Это – все, что от тебя нужно.

– Сдается, да, – проведя по ним ладонью, ответил Андрей. – Но тут не место для шпажного боя. Вам и в меру встать невозможно. А если придется отступать? Я знаю твои комнаты – они и двух саженей в длину не будут.

– Значит, деремся на заднем дворе. Не то понабегут доброхоты. И будет нам вместо дуэли полковая гауптвахта, – Гриша рассмеялся. – Дядя Еремей, ты куда спрятался? Веди барина с нами на двор!

Венецкий и Гриша выбежали во двор, сильно озадаченный Еремей вывел следом своего барина. Вечер был морозный, медленно падал легкий снежок, словно снеговая туча в небесах еще не решила, просыпаться ей сейчас или погодить до ночи.

– Это что? – спросил Венецкий, увидев большой темный круг на снегу от недавно вычищенного ковра. – Это нам, пожалуй, подойдет. Становитесь в позытуру, сударь. Господин Соломин, дайте знак хлопком в ладоши.

– Вы оба взбесились, – ответил Соломин. – Может, хоть на морозе остынете.

– Соломин, я Христом Богом заклинаю тебя, – взмолился Гриша. – Если я не буду биться за свою сестру, то кто же? Другого защитника у нее нет! Да решайся ты, наконец, не то мы оба замерзнем! Мы же в одних камзолах!

– Вы – два дурака. Вас столкнули лбами...

Андрей собирался что-то умное сказать о подлинном виновнике беды, о тайном виновнике, но Гриша был уже невменяем.

– Тебе-то чего бояться? – крикнул он. – Ты трус, да? Соломин, ты трус?

Этот нелепый упрек Андрея разозлил, и он хлопнул в ладоши. Тут же звякнули клинки.

Дуэль под снегопадом была красива – до той поры, когда Гриша сделал выпад, а Венецкий как раз остушился на снегу. Обороняясь, граф неловко взмахнул шпагой, и острие чиркнуло по Гришиной шее. Из раны вылетела пульсирующим фонтанчиком алая кровь.

– Батюшки мои! – закричал Еремей и кинулся зажимать рану, призывая во весь голос Ивашку, чтобы нес бинты, платки, все, что подвернется под руку.

– Это пустяки, – сказал, отталкивая его, Гриша. – Я готов биться дальше!

– Нет, нет! – перебил его Венецкий. – Тебе нужна помощь, не кобенься...

– Я убью тебя!

– Да хоть ты ему скажи, Андрей Ильич! – закричал Еремей. – Это ж – так же, как у поручика Гольяева было! В минуту вся кровь выхлестала!

– Нет, я буду биться! Еще чего, царапина!.. – тут Гриша опустил шпагу, левой рукой ошупал горло и увидел, что вся рука – в крови. – Господи... – прошептал он, наконец-то испугавшись. – Да что ж это?.. Ведь царапина... Что со мной? Еремей, держи меня...

– Надо жилу пережать! – вспомнил Андрей.

Гриша покачнулся, отбросил шпагу:

– Царапина... а голова кружится...

– Еремей, Венецкий, несите его в дом! – закричал Андрей. – Уложите!.. Жилу пережмите!.. – и сам устремился на помощь другу, совершенно забыв, что стоит на крыльце.

Слетев со ступенек и оказавшись на коленях, Андрей пополз на Еремеев голос. Ему казалось, будто он знает, как пережимают кровяную жилу; казалось, будто руки сами по милости Божьей совершат все нужное. А Гриша повис на Еремее, и тот от растерянности позволил раненому опуститься на снег. Венецкий от потрясения онемел и окаменел. Андрей полз на коленях и вдруг наткнулся на Гришины ноги.

– Соломин, я умираю... – отчетливо выговорил Гриша. – Пить... Пить дай...

Андрей сгреб ком снега, наугад поднес к его губам. Это оказалось уже бесполезно.

– Соломин... – прошептал Гриша. – За Машу... ты... бейся...

– Я не желал, я не желал! – вдруг закричал Венецкий. – Господи, Гришенька... как это?.. Не желал, вот как Бог свят!..

– За меня... – еле слышно сказал Гриша. Это были его последние слова.

Потом началось столпотворение. Венецкий рыдал. Наконец-то прибежавший Ивашка поднял крик. Еремей, убедившись, что Грише уже не помочь, стал поднимать своего питомца.

– Венецкий, где вы? – спросил Андрей. – Уходите... Уходите, черт бы вас побрал! Потом был неприятнейший разговор с появившимися офицерами-измайловцами.

– Соломин, кто был этот негодяй? – спрашивали они.

– Почем мне знать. Я не видел его. И по голосу не опознал, – отвечал Андрей. – Одно знаю точно – этого голоса я до поединка не слышал.

– Но повод, повод?..

– Честь. По крайней мере, так я понял. Я лишь вчера приехал, господа. И не имел случая как следует поговорить с Беклешовым. Одно знаю – именно он вынудил противника к бою.

Еремей, видя странное поведение барина, держался той же линии: противник ему незнаком, куда подевался – неведомо.

Наконец полковой врач освидетельствовал тело и велел везти его на съезжую – дуэль с точки зрения полиции была убийством, и жертва с убийцей отныне числились по ведомству управы благочиния. Андрей и его дядька остались одни.

– Отчего ты, Андрей Ильич, этого аспида выгораживал?

– Оттого, что молодой дурак. Не сумел отступить... Принял к сердцу беклешовские вопли... Коли захочет – сам явится в часть. Я его выдавать не стану. Понимаешь, дяденька, я в этом деле – секундант. Объяснить этого я никому не смогу – решат, что спятил. Какой из меня секундант?.. Принеси вина, – подумав, велел Андрей.

– Доктор запретил.

– К черту доктора.

Но Еремей не послушался, а помог барину раздеться, обтер его мокрым полотенцем и переодел в чистое.

– Что, коли придет Маша? – говорил Андрей. – Господи, что я ей скажу?.. Налей вина, хоть чарку. Не понимаешь, что ли?.. Ежели она придет, а меня тут не будет, то вся надежда на Венецкого. Вдруг он додумается, где ее искать?

– Так вот для чего ты его выдавать не пожелал!

– Именно. Последние слова Гришины были о Машеньке. К черту полицию с правосудием вместе! Подай вина, говорю тебе! Венецкий додумается, где ее искать, он может ездить по всему городу и высматривать ее, а я – нет!

– Пороть таких женихов, как этот Венецкий, – буркнул Еремей. – А вина не дам. И завтра же пойду искать жилище поближе к немцу. Он-то на тебя управу сыщет... Переехать придется! Не завтра, так на другой день старый Беклешов сюда людей пришлет...

Дядька стал сгребать кровавое тряпье, вынес, вернулся. Андрей сидел за столом. Он молча оперся локтем о столешницу и подпер лоб ладонью.

Тут заглянул удрученный Тимошка:

– К вашей милости господин Акиньшин.

– Порядочные господа за полночь по гостям не бродят, – буркнул Еремей.

– Ну вот, теперь все они сюда повадятся, – тихо сказал Андрей дядьке. – Будут калек утешать... А уезжать нельзя... Проси, Тимошка.

Вошел пожилой измайловец, сбросил Тимошке на руки тяжелую, усыпанную снегом епанчу.

– Здравствуй, Соломин, – сказал он. – Я только что приехал, но мне все уж доложили. Я истинно рад тебя видеть.

– Да я-то гостям не рад, – прямо ответил Андрей. – Сам видишь, как все вышло. И всем передай – в сочувствии не нуждаюсь!

– Садитесь, ваша милость, – словно бы извиняясь за барскую грубость, попросил Еремей.

– Полагаешь, это безнадежно? – спросил, садясь, Акиньшин. – Рановато белый флаг вывешиваешь. Еще можно повоевать. В столице есть хорошие врачи... Ну да ты, видно, не хочешь об этом... Послушай, Соломин. Я знаю, что Беклешов дрался с Венецким. Знаю

причину также. Буду молчать, коли тебе угодно. Только Расскажи – что тебе известно об этом грязном деле?

– Для чего тебе? – помолчав, спросил Андрей.

– Для того, что, может, случится, есть человек, которому угрожают обнародовать некие письма, открыть грехи его молодости. Соломин, я знаю, что госпоже Венецкой прислали письма, написанные Марьей Беклешовой якобы любовнику. Потому и свадьба развалилась. Что успел тебе рассказать Григорий?

– То же самое, что и тебе известно. И клялся, что Маша невинна.

– Стало быть, сам ничего толком не разузнал. Он не сказал, где эти мерзкие письма?

– Нет. У графини Венецкой, поди, где ж им еще быть? Коли не бросила сгоряча в печку.

– Нет, в печку она их не бросила. Эта барыня умна. Такие письма в материнских ручках – отменное средство управлять сыном. Вдругорядь задумает жениться на бесприданнице – а она бумажками перед носом и помашет: мол, мало тебе было хлопот?.. Соломин, как бы раздобыть те письма?

Менее всего ждал Андрей этого вопроса. Но не первый день он знал Николая Акиншина – старый полковой товарищ отнюдь не слыл вертопрахом и в вопросах чести был не менее строг, чем Андрей.

– Сейчас я не вижу способа... – после долгого размышления сказал он. – Кабы Гришка был жив... Старый Беклешов мог бы поехать к Венецким, потребовать правды. А теперь ему не до того.

– Для чего тому подлецу, что послал письма, расстраивать свадьбу небогатой девицы? – спросил Акиншин. – Подлец хотел дать урок кому-то другому – показать, что бывает, когда от него не откупаются. Кому-то – у кого денег куры не клюют...

– Маша пыталась откупиться... – тихо сказал Соломин. – Я нечаянно услышал. Теперь я понимаю...

– Стало быть, она знает, кто подлец? У нее с подлеем был какой-то уговор? Статочно, она собрала слишком мало?

Андрей пожал плечами. Он сводил в уме то, чему был свидетелем сам, и то, что услышал от товарища.

– Тебе не до меня, я вижу, – с огорчением сказал Акиншин. – А ведь подлец-то у нас, сдается, один на двоих... Если вдруг поймешь, кому Маша могла бы написать те письма, сделай милость – дай знать! И, коли она сыщется... ты ей скажи, что в доме сестры моей ей всегда рады, а сестрица безупречна, не то что я, старый грешник...

– Найди Венецкого, – посоветовал Андрей. – Сегодня он невменяем и рыдает, как дитя, а завтра, может, случится, опять приступит к поискам невесты. Ох, если бы и я мог...

– Ты можешь многое, – серьезно сказал Акиншин. – Ты можешь мыслить. И можешь очень горячо желать. Желание обретает в конце концов плоть – ты знаешь это?

– Как не знать – во всех масонских ложах про такие штуки толкуют. Ты записался в ложу, Акиншин?

– Ты сам не знаешь, сколь разумный путь подсказал. Ложи только кажутся прибежищем чудаков, воображивших себя искателями неземной истины. А на самом деле обладают силой и властью...

– То-то государыня своей волей закрыла ложу Нептуна, – заметил Андрей.

– Больше бы ложа Нептуна в русско-шведские дела лезла! Но есть и другие ложи. Ты подал мудрую мысль... Скажи, ты уже нанял в столице квартиру?

– Нет. Сколько можно, буду жить тут. Вдруг Маша придет, не зная, что брат убит.

– Так и не расскажешь подробностей?

Андрей подумал – и решил:

– Я был секундантом на дуэли, но дуэль получилась неправильная. Не с дурачком Венецким следовало Грише драться, – сказал он. – А с тем, кто сплел интригу против Маши. Я – секундант. Я не хотел – но так решил Беклешов. Его затея. Однако я должен сделать так, чтобы дуэль была завершена. Это – долг секунданта.

– Вот оно что. Стало быть, не успел приехать в столицу, как унаследовал врага.

– Да.

– Ну так этот враг тебя и спасет, – уверенно сказал Акиньшин. – У тебя теперь есть долг. И ты пошлешь к черту свою меланхолию, ты будешь лечиться. А подлеца выследим. А коли что со мной случится, мой человек, Афанасий, скажет тебе, где спрятаны важные бумаги, и даст ключ – словечко, чтобы тебе их отдали. Прощай, Соломин! Что разведаете – пошли за мной. И я – также пошлю за тобой или сам приду.

Акиньшин ушел.

– Пока меня не было в столице, тут завелась какая-то сволочь, – сказал Андрей. – Еремеюшка, тебя ко сну не клонит?

– Какой уж тут сон...

– Тогда отворяй сундук. Узнаем наконец, каким богатством владеем.

Тихо радуясь тому, что питомец не просит вина, Еремей кликнул Тимошку, и вдвоем они выволокли на середину комнаты один из двух сундуков.

– Хоть оружейную лавку открывай, – ахнул Еремей. – Вот, батюшка мой, знатный нож, персидский, что ли? Ножны стальные, по стали серебряные накладки. Клинок с серебряной насечкой, все завитки да усики. Рукоятка деревянная – да чуть ли не под бабью руку, столь мала. Дерево расписное – тут тебе по черному полю и цветочки, и птахи, и дед в чалме сидит – пророк Магомет, что ли?

– Сомневаюсь, им его рисовать не положено. Дальше!

– Булатный нож, а насечка золотая. Такому и цены, поди, нет. По клинку – вроде как львы дерутся. А рукоять слоновой кости, желтая.

– Клинок какой?

– Прямой, у рукояти широк. С таким хоть на медведя ходить. Ножны кожей обтянуты.

– Это персидский кард.

Андрей, его дядька и помогавший им Тимошка с азартом обсуждали содержимое сундука, словно пытаясь отвлечь друг друга от горестных мыслей о Грише. На столе уже лежали в ряд выпутанные из тряпиц дорогие пистолеты. Андрей трогал их, примерялся к рукояткам. И вдруг устыдился собственного бесчувствия: суток не прошло, как эти самые руки были в Гришиной крови, а вот ведь – радуются, ласкают сталь...

– Убери! – сказал Андрей. – Убери сейчас же!

– Сейчас приберу... А ведь в сундуке добра рублей на тысячу, поди, – заметил Еремей. – Ну-кась, пробегу я завтра по слободе, потолкую... Господа гвардейцы непременно купить захотят.

– Утром обсудим.

Едва опустив голову на подушку, Андрей провалился в сон – тяжелый и муторный. Он выныривал, тер рукой лоб, погружался в сумятицу снова. Но во сне он был зряч! И во сне видел Гришу, Машу, старого Беклешова. Во сне Гриша был жив, Маша – весела, а старик мельтешил где-то, не решаясь подойти.

* * *

Утро принесло слепоту.

Еремей, оставив питомца на Тимошку, побежал искать покупателя на кинжалы. Тимошка, получив строгое вразумление, посетителей к Андрею не допускал: барину-де немо-

жется. Но одному человеку он не мог противостоять – им оказался отец Герасим из небольшого пятикупольного деревянного храма, носившего громкое имя – собор Пресвятой Троицы лейб-гвардии Измайловского полка. Считалось, что собор возведен на месте той самой часовни, где царь Петр венчался в 1712 году со своей царицей Екатериной.

Отец Герасим попытался утешать, но Андрей от утешительной беседы уклонялся. Тогда батюшка спросил, не терпит ли былой его прихожанин какой нужды. Оказалось, нужда была – Андрей попросил себе в помощь грамотного человека, чтобы читать вслух или писать под диктовку. Хотя у Андрея не было внятной диспозиции, хотя он смутно представлял себе, как исполнить словесное Гришино завещание и свой секундантский долг, но без отправки и чтения писем и записок он обойтись не мог. Неведомо, сыскал бы отец Герасим хоть какого запойного псаломщика или нет, но судьба распорядилась так, что Андрей не стал дожидаться обещанного. И, как оказалось потом, правильно сделал.

Андрей ждал своего дядьку с докладом об охотниках купить персидский кинжал. Тимошка развлекал его как умел: стоя у окошка, докладывал, кто проходит либо проезжает по улице. За окном уже начинало смеркаться. Вдруг Тимошка замолчал.

– Ну, что такое? Черт привиделся? – спросил Андрей.

– У калитки экипаж остановился...

– Ну и что?

– Д-д-дама в-в-выходит... – еле выговорил Тимошка.

Дама в лиловой бархатной шубке, в пышных юбках, в меховых сапожках, оттолкнув отворявшего дверь Ивашку, ворвалась в угловую комнату и остановилась, держась за косяк. Лицо ее было закутано шалью поверх шляпы.

– Ты... – прошептала она. – Ты... Боже мой, за что?..

– Катенька? – без голоса выдохнул Андрей и встал. – Зачем ты здесь? Все кончено меж нами!

– Отчего?

– Оттого, что я – калека, урод! Мое исцеление сомнительно. Это дело нескольких лет, и то, ежели Господь сжалится. Такой ли муж тебе нужен? Катенька, уйди, не трави мне душу.

– Это все не имеет значения, когда я тебе обещалась, – сказала дама.

– Я возвращаю тебе твое слово. Не хочу знать, что ты несчастна.

– Андрюшенька, свет мой ясный, как я могу быть несчастна – с тобой?

– Обыкновенно! Как всякая женщина, которой не на что купить новые туфли, оттого что муж – нищий.

– Что за вздор ты городишь?! – Катенька подошла к жениху и крепко обняла его. – Вот так, – сказала она. – И ты тоже. И никого мы вдвоем не побоимся. У меня есть деньги...

– Этого еще недоставало!

– Приданое! Ты что же, вздумал взять меня без приданого?

– Я полагал перейти в штатскую службу, найти денежное место в департаменте. А теперь – разве что в обители, и то не во всякую примут.

– Какая обитель? Послушай, ничто не мешает нам повенчаться хоть завтра, а потом мы вместе займемся твоим лечением. Ты меня знаешь, я найду лучших врачей, я все сделаю для тебя. Не хочешь жить в столице – поедem хоть в Москву, хоть в подмосковную. Покойный Ганопольский довольно мне оставил, чтобы повезти тебя хоть к парижским, хоть к лондонским врачам...

Андрей не мог удержаться – он тоже обнял Катеньку и ощущал под бархатной нежной шубкой ее жаркое тело. Но это было ужасно – он желал эту женщину так, как будто был полноценным мужчиной, не калекой. Сказать ей об этом он не мог – Катенька тут же закрепила бы свою победу над Андреем самым страстным образом. Он и желал, и не желал этого. Объятие,

бывшее единой надеждой и наградой все долгие недели Очаковской осады, сбылось – и стало страшной карой. Сумятица воцарилась в голове.

– Андрюшенька... – прошептала невеста. – Ты и вообразить не можешь, как я тебя ждала... Ведь два года уж, как сговорились... И надо ж такому случиться... – она всхлипнула.

Это было уж совсем плохо – как обращаться с плачущими женщинами, Андрей не знал. И жаль ему Катеньку стало нестерпимо, и подумалось: а что, коли она права? Врачи докопаются до правды, подберут лекарства! А меж тем как хорошо было бы жить с любимой, во всем ей доверившись... в покое и благодати... Но как раз покой невозможен... Андрей честно пытался соединить в голове свое обещание Катеньке, ее решимость, свое увещье и свалившийся на него, как кирпич с крыши, долг секунданта.

Меж тем Катенька, плача, устыдилась своих слез: так получалось, что не она утешала Андрея, а он теперь должен был утешать ее – молодую, здоровую, зрячую.

– Душа моя, – сказал Андрей, – нехорошо тебе тут оставаться. Люди увидят твой экипаж, узнают... Ни к чему это, ей-богу... Ты сейчас поезжай, мы увидимся потом, без посторонних наблюдателей...

– Да что ж плохого? Я невеста твоя!

– Тем более – у невесты репутация должна быть безупречна.

– Боже мой, какой вздор... – прошептала Катенька. – Можно подумать, товарищи твои не догадываются, что ты мой любовник...

– Догадка не есть знание. Я прошу тебя, поезжай сейчас домой, жди моего письма. Я все улажу. – Он поцеловал невесту в губы.

Это был долгий поцелуй, очень долгий.

– Хорошо, я послушаюсь тебя, – сказала Катенька. – Поскольку вижу в тебе мужа. Поскорее присылай Тимошку с письмецом!

– Душа моя, ты даже не представляешь, как я тебя люблю, – ответил Андрей.

Что такое любовь капитана Соломина, Тимошка понял ровно минуту спустя, когда Катенька, выйдя, села в экипаж.

– Собираться! – приказал Андрей. – Немедленно. Покидай вещи в чемодан, потом разберешься. И тут же беги к конюшням за возком и лошадьми. По дороге найди кого-нибудь, обещай пятак, чтобы помог вытащить и приторочить сундуки.

– А дядя Еремей? – спросил изумленный Тимошка.

– Еремея потом сыщем. Главное – поскорее отсюда убраться. Ковер оставь тут, ну его к черту! Ну, живо!

Получаса не прошло, как возок был подан. Тимошка слезно умолял подождать Еремея. Андрей ругался. Тимошка божился, что дядька вот-вот прибежит. И действительно, Еремей явился с деньгами – он продал персидский булатный нож за тридцать пять рублей.

* * *

На Андрея напала страсть замечать следы. Он приказал Тимошке гнать в сторону Московской заставы, чтобы создать впечатление отъезда в Москву. Затем следовало обогнуть городские окраины и выехать к Свято-Троицкому монастырю. На все это путешествие Андрей определил не более часа. Но, как всегда, теория оказалась прекрасна, а на деле дорога имела загадочные колдобины.

В одну из них и въехал возок, да еще и сильно накренился, едва не потеряв сундуки. Место оказалось пустынное, Тимошка по колено в снегу побежал к ближайшим домам, и вытаскивание возка стало целым приключением, обошедшимся Андрею в рубль серебром, – здешние жители сразу оценили безвыходное положение путешественников.

К монастырю подкатили уже ближе к полуночи. Начались поиски трактира и ночлега, но в этой части столицы их, казалось, не было вовсе. Еремей от расстройства чувств поругался с Тимошкой, Тимошка от огорчения перешел на визг:

– Ну? Кого ты тут расспрашивать собрался?! Ни души кругом! – выкрикивал обиженный Тимошка.

Душа явилась. Сперва совсем близко раздались вопли: «Имай его, имай подлеца!» Потом на белом поле появились темные фигуры. Одна неслась впереди, прочие – за ней.

Минуты не прошло – к возку подлетел человечиска, без шубы, без шапки, и кинулся вовнутрь, заговорив пылко и страстно:

– Ох, спасите, спасите, Христа ради, люди добрые! Разбойники это, тати полнощные! Обобрали, убить хотят!

– Еремей, сюда! – приказал Андрей. – Тимошка, гони!

Дядьку чуть ли не на лету втащили в возок. Кони, подбадриваемые Тимошкиным кнутом, понесли неожиданно скоро. Разбойники остались позади – вместе с их руганью.

– Ты кто таков? – спросил Андрей сидящее на полу приобретение.

– Ох... – был ответ.

– Какого черта носишься по ночам и прыгаешь в чужие экипажи? – Еремей решительно взялся за допрос. – Что еще за разбойники?

– Звать меня Феофаном Морковкиным, – почувяв нечеловеческую суровость дядьки, сразу ответил человечиска. – Я несчастнейшая в свете орясина... И так все гадко – хуже некуда, а тут еще нехристи налетели, чуть не порешили! Тулупишко с плеч долой! Туфли с чулками отняли!

– Где ты живешь, убогий? Давай, дядя Еремей, его туда доставим, – сказал Андрей. – Дома-то, поди, хоть старые туфли с чулками найдутся.

– Нигде я не живу! – человечиска всхлипнул. – Прогнали меня из дому! Скитаюсь!

– Он пьян, – догадался Еремей.

– Не пьян! Да хоть всего обнюхайте! Меня не за пьянство из дому погнали...

– Кто погнал-то? – спросил Андрей. – Кому ты не угодил?

– Да она же, Матрена моя, Никитишна... венчанная...

– Слыхал я, что муж жену со двора сгоняет за бесстыдство, а чтоб жена мужа – так не слышал, – сообщил Еремей. – За блуд, что ли?

– Какой блуд?! Кому я, сирота, нужен? Кто на меня польстится?! – страдальчески вопрошил человечиска. – Блуд!.. Да моя бы, про блуд узнав, свечку бы Богородице поставила – коли я с другой бабой на что-то годен, так, может, и ей сласти перепадет!

Еремей, как ни старался изобразить строгого охранителя барского покоя, захохотал.

– Так за что она тебя выгнала? – продолжал расспросы Андрей, и видно было, что его это приключение очень забавляет.

– Так за то, что на службе провинился. Меня ведь и оттуда – в тычки...

– А на службе – что?

– Бумагу переписывал, зазевался... Царский титул переврал...

– Это не шутка – царский титул перевернуть. Да ведь поругают и простят.

– Так сказали – терпение лопнуло! И в тычки...

– Что делать будем, барин мой любезный? – полюбопытствовал тогда Еремей. – Куда девать господина Морковкина?

– Куда девать... Придумал. Нам ведь его Бог послал. Ты, дядя Еремей, без грамоты жить ухитряешься. Тимошка тоже аз от буки с большим усилием отличит. А сей – статочно, читает бойко. И пишет, поди, с запятыми. Ведь канцелярист?

– Канцелярист, – согласился человечиска. – И читаю, и пишу знатно! И почерк у меня отменный!

– Возьмем на пробу. Коли угодит – может, у нас и приживется. Пока жена не сжалится, – решил Андрей.

– Милостивый государь! – вдруг зычно возгласил человечиска. – Да за ваше ко мне милосердие, да я, да ручки ваши! И ножки также целовать буду, да!

– Уймись, – посоветовал Еремей. – Наш такой блажи не признает, – это означало, что он принял бедолагу во временные домочадцы.

– Коли ты здешний, может, знаешь, где ближайший трактир? – спросил Андрей.

– Как не знать! Ваша милость, велите ехать прямо, а я буду в окошко поглядывать и скажу, где поворотить.

Пока добирались до постоянного двора, условились, что звать Феофана Морковкина в домашнем обиходе будут Фофаней: он так привык.

Харчевня, которая помещалась в нижнем жилье приземистого длинного здания, была, разумеется, уже заперта. Сторож позвал хозяина, хозяин распорядился впустить возок во двор и велел конюху принять и поставить на конюшне лошадей. Опять была большая морока с сундуками, груженными оружием, – Еремей не хотел оставлять их ни во дворе, при возке, ни даже в запертом сенном сарае. Хозяин разбудил молодцов, сундуки втащили во второе жилье.

И только там Фофаня обнаружил, что его новый хозяин слеп.

– Ну-ка, дяденька, опиши мне господина Морковкина, – велел Андрей.

– Собой страшнее черта, – начал невозмутимо дядька. – Росту – без вершка два аршина... Рожа чумазая... Нос... – Еремей задумался. – Фофаня, кто это тебе так искусно нос перебил, что он на сторону ноздрями глядит?

– Злые люди. Звери! – скорбно отвечал Фофаня.

– Мастер потруился, – заметил Тимошка. – Барин, а барин! Я с собой ковригу хлеба взял. Здесь-то сейчас поесть не дадут. Прикажете порезать? Хлебушко с салцом – не фрикасея с фазаньими гребнями, а все лучше, чем с пустым брюхом ложиться.

– Эка удивил. После очаковского сидения я и гнилым сухарем не побрезгаю. Давай хлеб с салом. Завтра начнем хозяйством обзаводиться, – решил Андрей. – Фофаня, далеко отсюда Гончарная улица?

– Близко, ваша милость.

– Научишь Тимошу, как на нее выйти. А я тебе записочку к доктору продиктую... Ох, черт!.. – Андрей вспомнил, что дорожный письменный прибор за ненадобностью велел упрятать подальше. А куда – неведомо.

Еремей с Тимошкой принялись искать прибор. Фофаня, гревший босые ноги у печки, с любопытством смотрел на Андрея, взгляд у страдальца был живой и бойкий. В конце концов откопали и бумагу, и чернильницу, и пузырек с чернилами, и карандаши.

– Пиши карандашом, – сказал Андрей. – Первое. Найти Венецкого, установить с ним связь.

– Графа Венецкого? – уточнил Фофаня.

– Графа. Второе... Разведать, что творится в доме Беклешовых. Исхитриться встретиться с Дуняшкой. Третье – записку Акиньшину послать. Фофаня, как ему объяснить, куда он ко мне прийти может?

– А чего объяснять? Семена Моисеева постоянный двор. Его тут каждая собака знает.

– Так. Это задачи первоначальные и тактические. Список стратегических задач будет иным... Бери другой лист. Первое – узнать, что за письма принесены к графине Венецкой. Сие могут знать Маша, графиня Венецкая, граф Венецкий и некое четвертое лицо. Но Венецкий высказался так: он бы прочитал эти письма. Статочно, он их даже не видел, а, как выразился Акиньшин, ими перед носом помахали... Но письма были, иначе Маша не прибежала бы ночью. С ней была Дуняшка... Тимоша! Завтра, отнеся записки Акиньшину и немцу, поди к Беклешовым, постарайся девку выманить. Объясни – я-де хочу отыскать барышню, пока та

в беду не попала. Ты Дуню не за ручку хватай и не целоваться лезь, а первым делом визнавай – кому Маша писала те письма.

– Баринок мой любезный, – перебил Еремей. – Может, не стоит эти козни распутывать? Что мы можем-то? Ведь выйдет одно огорчение...

– Мы можем все, – твердо сказал Андрей, вспомнил зареванное лицо Венецкого и добавил: – Потому что больше некому.

Он не видел, но знал, что дядька с кучером хмуро переглянулись. И мысли их тоже прочитал: не кобенился бы ты, барин, а ехал бы лучше к невесте...

Фофаня внимательно приглядывался к новому хозяину. И заговорил, когда все уже улеглись спать и полусонно обменивались соображениями насчет стирки белья,ковки лошадей и обуви для нового домочадца. Нога у него оказалась – придворной красавице впору.

– У меня прадед ослеп, – сказал Фофаня. – Так сперва на углы натыкался, а потом наловчился их обходить. Но не потому, что всякий угол помнил. Мы, малые, возню затеем, ему наш визг слушать надоест, он, что под рукой, тем и запустит. Так ни разу, старый черт, не промахнулся!

– Как это? – спросил Андрей.

– Чутье какое-то у него появилось. Я думаю, у него Бог глаза отнял, а уши поправил. Слышать он стал – лучше сторожевого пса. И палку кидал по слуху, я чай...

– Палку кидал по слуху... – повторил Андрей.

* * *

Утром, после завтрака, были приобретены для Фофани старые «коты», которые хозяйская жена доносила до дыр. Но он не огорчился, а, выпросив у Тимошки кусок старого сукна, смастерил страшные на вид, но теплые онучи.

Потом Андрей отправил Тимошку с поручениями и кликнул Фофаню.

– Ну-ка, брат Феофан, веди меня на двор. Есть там у нас сарай?

– Как не быть! Где ж это видано – постоянный двор да без сарая?

– Ну, веди меня туда. А по дороге добудь шест в сажень, к концу бубенчик привяжи, – велел Андрей. – И поищи мне ну хоть мелко наколотых полешек.

– Что это ты, батюшка мой, затеял? – забеспокоился Еремей.

– Уши отращивать стану.

Они спустились на двор и вошли в сенной сарай. По дороге Фофаня забежал на конюшню, разжился и длинным кнутовищем, и бубенчиком.

Дальше события разворачивались так: Фофаня ударял бубенчиком, привязанным на конце кнутовища, о дощатую стенку то сверху, то снизу; Андрей кидал полено на звук; Еремей глядел на эту забаву весьма критически, а после додумался нарисовать на стене мелом круги, аршин в поперечнике. Колокольчик ударял в середину круга, туда же летело полено. Сперва оно даже не попадало в аршинный круг, но постепенно Андрей как-то наловчился.

Потом прибежал Тимошка:

– Барин, а барин... Дуняшка в беду попала...

– Что за беда?

– Беклешов ее в карты проиграл... – и Тимошка рассказал историю, которая показалась бы невероятной всякому, кто не знал старого картежника.

Когда тот узнал о смерти единственного сына, то озлился чрезвычайно: сперва дочь опозорила, потом Гриша не оправдал надежд. Впав в бессмысленную ярость, он собрался и умчался из дому – искать утешения у давних приятелей. Там он осознал свою беду, рыдал, тоже просился на тот свет, но мудрые приятели, подпоив, усадили его за карточный стол. И он,

в помутнении рассудка, проиграл Машину горничную отставному майору, который уже давно положил глаз на девку.

– И что теперь? – спросил Андрей.

Тимошка рухнул на колени:

– Барин, милый, не серчайте, я ее сюда привел!

– Так. Дадим приют беглой, которую сегодня же начнут искать по всему городу, а завтра выйдет объявление в «Ведомостях»?

– Барин, родненький, выдадим – она руки на себя наложит!

– Не наложит, – вмешался Еремей. – Такое их девичье дело – утехой служить. Поплачет и утомонится.

Андрей задумался. И так и этак выходило плохо. Он мог не пустить Дуняшку к себе. Но как без ее помощи узнать про Машу? А если впустить Дуняшу и принять услугу – то выгнать девку будет уже невозможно – честь не позволит.

– Веди сюда, – велел Андрей, – что-нибудь изобретем. Сегодня или завтра явится Акиншин, устроим военный совет. Он человек бывалый, подскажет, что тут можно сделать.

В последний раз Андрей видел и Дуняшку, и Машу два года назад – когда из гвардии перевелся в пехотный полк. Тогда у него была первая пора счастья с Катенькой – он других женщин и не замечал. А тем паче горничную, которая и на глаза-то ему попалась раз пять-шесть... Какова сейчас собой – неведомо. Одно было ясно ему, незрячему: девушка смотрит на него с надеждой.

– Ну здравствуй, Дуняша, – сказал он. – Вот как все неладно вышло. Сядь и расскажи мне все, что знаешь про это гадкое дело с письмами.

– Да что я могу знать, барин, миленький?

– Встань, дурочка, и сядь, как велено, – приказал ей Еремей. – Знаешь ты много. Да только от вас, от баб, толку не сразу добьешься. Иная уважает, чтобы ей сперва пару оплеух отвесили. Тогда лишь начнет дело говорить.

Андрей знал, что его верный дядька страсть как не любит глупого бабья, и к его мизогиническим² афоризмам давно привык. А вот Дуняшка испугалась не на шутку и поползла к слепому барину. Девкины пальцы вцепились ему в колени.

– Будет тебе, дяденька! – прикрикнул он. – Не бойся, Дуняша, это он так шутить изволит. Ну, говори, что тебе известно про письма.

– Ничего не знаю...

– Говори всю правду, – посоветовал Тимошка, – не то барин тебя прочь погонит! Больно ему нужно твое вранье слушать.

Это подействовало. Оказалось – Маша свела знакомство не с простым человеком, а с французом. И письма писались по-французски. Кавалер уговаривал Машу бежать с ним из дому, и было несколько дней, когда Маша, обидевшись на родителей, впрямь помышляла о побеге. Потом девушка опомнилась.

– Точно ли она была влюблена во француза? – спросил Андрей.

– Да как не полюбить – очень уж хорош собой! – со вздохом ответила Дуняшка.

– Ты его, значит, видела?

– Да, барин...

– А теперь прямо говори – он в спальню к барышне забирался?

– Да боже упаси! Да как же можно? – возмутилась Дуняшка. – Нас с барышней в строгости растили! До венца чтоб – ни-ни!

– Побожись! – приказал Еремей. – Ну?! – он был непреклонен. – Сударик мой любезный, с бабами иначе нельзя!

² Мизогин – женоненавистник.

Спорить с ним Андрей не стал, потому что понимал, откуда у дядьки такая философия. После смерти Андреевых родителей Еремей двадцать лет держал круговую оборону от его теток, домоправительниц, приживалок, всевозможных дур и чесательниц пяток, знахарок и прорицательниц, сам заведовал воспитанием доверенного ему юного барина и перевел дух, лишь когда пятнадцатилетний Андрей пошел служить в гвардию.

Дуняшка поклялась, что между Машей и загадочным французом никакого блуда не вышло, – мать так смотрела за дочкой, что и короткие свидания устраивать было мудрено.

– Давно ли случилась сия интрига? – спросил Андрей.

Дуняшка, как всякая неграмотная девица, мерила время церковными праздниками и событиями домашней жизни. Получалось, что несчастный почтовый роман начался на ту Масленицу, когда тетка Прасковья Романовна из Москвы приезжала, длился все лето и завершился, когда кухарка Настасья родила.

– А Венецкий когда стал за Машей увиваться?

– Так тогда же, летом, и стал!

– То есть Маша предпочла Венецкого, и француз от нее отстал?

– Как не предпочесть – он же граф!

– А вот теперь ты расскажешь, почему Маша решила выкупить свои письма, – велел Андрей. – И не увиливай – я был при том, как ты со своей барышней в Измайловский полк ночью прибежала. Все слышал – и про перстеньки, и про золотую табакерку.

– Матушка Богородица, стыд-то какой... – прошептала Дуняшка.

– И я слышал, – подтвердил Еремей. – Давай, девка, как на духу!

Письмо с угрозой и требованием выкупа Маше передали в церкви, принесла его старуха-богомолка. Прочитав, Маша ужаснулась. Первым делом она подумала о своем приданом – оно невелико, но позволило бы откупиться, хотя тогда пристало бы рассказать про беду матери. Пришлось изворачиваться – и Маша неимоверными усилиями собрала узелок золотых украшений и безделушек.

Дуня отправилась передать его той же богомолке и получить письма. Но девушки плохо знали повадки негодяев. Если бы у Маши хватило соображения отправить с Дуняшкой хотя бы лакея Степана, может, беды бы и не приключилось. Но стыд все ей затмил. Ночью в указанном месте к Дуняшке подбежал человек с замотанной в тряпицу рожей, выхватил узелок – и поминать как звали! А на следующий день роковые письма были доставлены госпоже Венецкой.

– Фофаня, берись за карандаш! – велел Андрей. – Сведем все воедино...

Дуняшкино донесение было готово, когда приехал Акинышин.

– Далеко ж ты, Соломин, забрался, – сказал он.

– Так надобно, – отвечал Андрей. – Фофаня, перебели донесение для господина Акинышина. Маша не нашлась?

– Нет. Мой Афанасий у беклешовского дома дозором ходит. Венецкий сгинул бесследно. Сказывали, с матушкой своей так разругался, что она его проклала и грозила наследства лишить. А потом, по материнской логике, куда-то упрятала. Что у тебя?

– Прелестница у меня, – невесело усмехнулся Андрей. – Вот, Дуняша – горничная Марья Беклешовой, и она может узнать в лицо француза, который впутал Машу в эпистолярный роман.

– Сказала ли она что дельное? – спросил несколько озадаченный Акинышин.

– Сказала. Если, как ты полагаешь, эти два дела впрямь связаны, то от Дуняши будет немалая польза. Одно только...

– Что, Соломин?

– Она – беглая.

Кратко объяснив Дуняшкино положение, Андрей, смущаясь, спросил, может ли Акинышин вопреки законам помочь девушке. Тот задумался и нашел решение:

– Вернуть ее Беклешовым мы всегда успеем. Так что она – не совсем беглая, а временно находится на нашем содержании.

– До поры, Дунька, – вставил Еремей.

– Я отвезу девицу к своей сестре, – сказал Акиньшин, – а та переправит ее к кому-либо из надежных приятельниц. Дуняша в любой миг может потребоваться, чтобы опознать француза.

Узнав, как неизвестный подлец обошелся с Машиным выкупом, Акиньшин присвистнул:

– Говорил я тебе – им нужна была шумная история, чтобы вытянуть у кого-то другого большие деньги. Но и этими не побрезговали.

– Интересно, кому «им»?.. Слушай, а какие в этот мясоед должны быть свадьбы? – отвечал Андрей. – Кто бы мог составить список богатых невест, решившихся обратиться?

– Тут нужна старая опытная сваха, которая все приданные наперечет знает, – сказал с улыбкой Акиньшин. – Прощай моя репутация! Велю Афанасию привести сваху и потребую у нее богатейшую в столице невесту. Может, за чарочкой наливки у свахи язык и развяжется.

Стали расспрашивать Дуняшку, куда могла уйти Маша – без денег, без драгоценностей. Горничная решительно утверждала, что искать жениха обиженная и перепуганная Маша не стала бы под страхом смертной казни, и перебрала имена нескольких пожилых родственниц.

Потом Акиньшин уехал с Дуняшкой, а Фофania запросился в храм Божий.

– Возблагодарить, – сказал он. – Без этого нельзя. Чуть было Богу душу не отдал! А остался жив и даже здоров. Я всегда благодарю. Может, потому и жив еще.

– Я с тобой, – вдруг попросился Тимошка. – И мне помолиться надобно.

– Знаю я, о чем ты собрался молиться, – заметил Еремей. – Девка тебе приглянулась.

– Ее нарядить – она и барыню за пояс заткнет!

– Будет тебе, беги с Фофаней, – перебил его Еремей. – За меня, грешного, свечку поставь. Вот тебе полушка.

Когда они вернулись, Тимошка шепотом доложил Еремею: Фофания в монастырском храме всех удивил истовой молитвой, исправно бил поклоны с явным стуком лба об пол, подпевал хору, ниже всех склонялся перед батюшкой с кадилом.

– Одно из двух: либо великий грешник, либо великий праведник, – сказал на это Еремей.

Ночью, когда Андрей заснул, дядька приполз в угол, где уже расположился на тюфячке «секретарь».

– Ты, Фофания, человечиска никчемный, да своей затеей с бубенцом барину моему угодил, – прошептал Еремей, – и за то тебе от меня будет добро. Я тебе чулки и хорошие туфли куплю, и сапоги меховые, а ты нас не покидай, слышишь?

– Да уж не покину, – шепотом отвечал Фофания. – Податься-то мне некуда...

* * *

Наутро Андрей велел дядьке счесть наличные деньги. Их оказалось не мало – можно снять отличную квартиру на самом Невском года этак на полтора. Но и не много – исходя из Андреева намерения исполнить секундантский долг. А во сколько влетит лечение – дядька с питомцем и помыслить боялись. Нужно было распродавать те дары, что покидали в очаковском лагере на ковер боевые товарищи, и Еремей, взяв несколько хороших ножей, поспешил туда, где заимел знакомцев, – в слободу Измайловского полка.

Андрей хотел было продиктовать Фофане записочку к доктору Граве, но обнаружилось, что новоявленный секретарь ничего не смыслит по-немецки, кроме тех необходимых слов, без которых и пластыря не купишь у аптекаря. Потом Фофания читал журналы – его чтецкая манера довела бы до колик человека, расположенного посмеяться, а Андрей выстраивал в голове план поиска Маши.

Тимошка с Фофаниного голоса зазубрил адреса Машиной родни и, получив семьдесят копеек на извозчиков и подкуп дворников, отправился исполнять поручение. Если Маша у какой-нибудь старой тетки, то надобно убедиться, что она там в безопасности. Мало ли что взбредет в голову ограбившему ее подлецу?

Акиньшин мог бы убедить сию гипотетическую тетку посреди зимы уехать с Машей в деревню. Особливо если будут предложены деньги. Но Маша могла попасть в беду. Неопытная перепуганная девушка, одна в ночной столице, – легкая добыча, например, для разговорчивой сводни, умеющей показать сочувствие и ласку. А если девушка заперта в доме, где ее будут предлагать сластолюбцам, то найти ее будет очень сложно – разве что с полицией. Андрей стал соображать, кто из знакомцев – любитель навещать столичных сводней. Таковых не оказалось. Знать мог Акиньшин – не дожил же он до таких лет в непорочном состоянии, наверняка имеет скромные холостяцкие радости.

Примчался Еремей. Доложил о свершившемся чуде – полковое начальство посетило дом Беклешова, чтобы узнать подробности дуэли, увидело на заднем дворе темный круг с лужей мерзлой крови посередке, удивилось сей картине, и дядька показал круглый турецкий ковер. Тут же за ковер были предложены хорошие деньги – четыреста рублей, и он этих денег стоил.

– И тебя искали, баринок разлюбезный, – потупив взор, сообщил Еремей. По одному его тону было понятно, о ком речь.

– Поишут и перестанут, – отрубил Андрей. – Акиньшин тебе не попадался?

– Нет, сударик мой, не попадался.

Тимошка прибыл к вечеру. Все адреса оказались безнадежны – никакая девица там не появлялась.

– Завтра отправишься в Воскресенскую обитель, – решил Андрей. – Там надобно будет исхитриться. Если Маша убедила монашек спрятать ее, то так просто они тебе сей секрет не выдадут.

– А как исхитриться?

Андрей не видел Тимошкиного лица, но знал, что кучер смотрит на него с надеждой.

– Кабы я знал...

Потом заглянул хозяин постоянного двора Семен Моисеев. Он пришел наугад – родственник его, огородник, попал в беду и срочно продавал дом со службами. Дом был деревенский, невеликий и грязный, но место хорошее, куда скоро подберется разрастающийся город, и ежели господин офицер мог бы купить, то не пожалел бы. Андрей не собирался покупать дом и хозяину отказал, но мысль в голове застряла. Когда лечение не увенчается успехом, хорошо было бы скрыться в доме. Жить там в одиночестве и умереть в одиночестве...

Во сне ему явилась Катенька.

– Что ж ты сбежал? – спрашивала она. – Неужто ты настолько не уверен в моей любви?

– То-то и беда, что уверен, – отвечал во сне Андрей.

Он был одновременно и слеп и зряч, стоял перед Катенькой в черной повязке, но прекрасно видел невесту – статную, пышноволосяную, розовощекую, темноглазую – из той породы, которая не ведает взросления, так что двадцатипятилетняя женщина, успевшая выйти замуж и овдоветь, выглядит восемнадцатилетней.

Андрей знал, что двухлетняя верность по нынешним временам – диво почище борода-той женщины из масленичного балагана или двуглавого младенца из Кунсткамеры. Он мечтал вернуться к Катеньке – пусть не сделав настоящей военной карьеры, пусть без сундука с золотом. Ее одну он видел своей женой – и потому позорно сбежал. Она должна была это понять!

Утром Тимошка был отправлен в разведку в Воскресенскую девичью обитель.

Старухи рассказывали, что появилась она в Санкт-Петербурге потому, что покойная государыня Елизавета Петровна решила последние годы жизни провести в келье, оставив престол племяннику Петру Федоровичу. Ей нравилась местность неподалеку от Смольного двора,

где еще при покойном батюшке варили и хранили необходимую для флота смолу. Но оставлять царство на странного подростка государыня передумала. Уже и монахини поселились в красиво убранных кельях, и великолепный пятиглавый собор был почти готов, а она все медлила. После ее смерти и последовавших затем бурных событий новая государыня, Екатерина Алексеевна, решила устроить в обители Воспитательное общество благородных девиц, а инокинь приставить к маленьким воспитанницам – учить их грамоте. Но оказалось, что монахини, зная молитвослов назубок, не в состоянии разобрать по книжке и «Отче наш». Кончилось тем, что они стали смотрительницами в лазарете. Постепенно старушки умирали, новые послушницы не приходили, и обитель едва влачила существование.

Андрей знал, что Маша с госпожой Беклешовой иногда ездила в Воспитательное общество на концерты и спектакли. Матушка Машина, дама богобоязненная, брала с собой обычно и пожертвования для обители. Потому-то Андрей и подумал, что у Маши могут быть знакомые монахини, к которым она догадается поспешить в трудную минуту.

Тимошка пропадал целый день. Наконец явился огорченный. Он взял в обители след и решил нагло вломиться в келью настоятельницы, возложив замаливание сего греха на Фофаню, но в коридоре столкнулся со странной компанией. Ему навстречу пробежал мужчина мощного сложения, в епанче, Тимошка шарахнулся от великана. За мужчиной бежали двое – кавалер и дама, причем кавалер бесстыже обнимал даму за плечи.

– Или я совсем из ума выжил, или то была господина Беклешова сестрица! – в подтверждение слов Тимошка перекрестился. – Она свечу в руке держала, я разглядел.

– А потом?

– А потом – я ее окликнул, она не ответила. Я – за ней. Тот детина их вперед пропустил, ко мне повернулся – так глазищами зыркнул – меня точно в грудь толкнули. Они все – прочь, я за ними. А их-то экипаж ждал! Кавалер с дамой – в экипаж, детина – на запятки, и унеслись! Я следом бежал, сколько мог, да куда мне против лошадок!

– Странные дела творятся в обители, – сказал удивленный Андрей. – Мужчины по коридорам носятся. Но ежели то была Маша – ее что же, силой увлекали?

– Не силой. Своей волей в обнимку с молодым бежала.

– Мог ли это быть француз?

– Да уж не русский! Отчего ж не мог? На турка похож!

– Коли похож на турка – значит, француз?

– А разве нет?

– Ох, и узел завязался... Сдается, не таким уж подлецом был тот, что прислал госпоже Венецкой Машины письма, – пробормотал Андрей.

История внезапно вывернулась наизнанку. Отчего бы девице, имея сердечного дружка, не выйти замуж за богатого графа? А коли брак рухнул – отчего бы не сбежать с тем же дружком? В таком случае Дуняшка лжет. Или же не лжет – сердечный дружок не желал терять любовницу, угрожал ей, она пыталась откупиться...

– Запутанное дельце, – сказал наконец Андрей.

Он вдруг потерял всякое желание искать тайного врага и спасти Машу из беды. Было безмерно жаль пылкого Гришу – и только. Разумеется, Гриша иначе поступить не мог, он обязан был биться за честь сестры. А была ли та честь?... Получалась хитрая загадка из области высокой дуэльной теории: считать ли необходимым продолжение такой дуэли, предмет коей оказался сомнителен? Следовало бы призвать на помощь кого-нибудь из знакомых поляков – у них правила поединка чести блюдятся свято...

Заместо поляков был призван Фофаня. Он, копаясь в Андреевом имуществе на предмет книжек, отыскал Евангелие.

– Знак Божий! Чем валять дурака, лучше Священное Писание послушать, – решил Андрей. И слушал, пока Фофаня не охрип.

Странным результатом этого чтения стало решение смириться. Не корчить из себя обуюнного гордыней калеку, не морочить себе голову местью за Гришу, которая евангельским истинам совершенно противоречит, а приехать к Катеньке и попросить прощения. Решение далось нелегко, исполнение Андрей отложил до завтрашнего дня.

Утром он отправил Тимошку с записочкой к Акиньшину. В записочке излагалось, как Маша была обнаружена в Воскресенской обители в обнимку с кавалером, и делалось предположение: вряд ли ее похождения связаны с тем вымогательством, которое так беспокоит Акиньшина.

– «И возвращайся скорее. Я поеду с визитом...» – тут Андрей несколько смутился.

Еремей и Тимошка переглянулись; меж ними пролетело неслышное: «Слава те господи, одумался!»

Андрей же думал о том, как будет говорить с Катенькой. Должно быть, следует отложить венчание до той поры, когда Граве соберет несколько ученых консилиумов, а те поймут, каким будет лечение. Но Катенька должна понять, что чувство Андрея осталось прежним, и как раз оно подвигло жениха на побег...

Вернулся Тимошка.

– Господина Акиньшина дома не случилось, – доложил он, – а записочку я оставлять не стал.

– Это еще почему? – удивился Андрей.

– А потому, что кто-то за домом следит. Ходит, в окошки исподтишка заглядывает. Это – один, а второй за углом прятался и с этим переглядывался.

– Черт возьми... – пробормотал Андрей. – Так ты и в дом не заходил?

– Заходил. Там только дядька Яков сидел, печь топил, а он глухой, у него из-под носа печь унесут – он не заметит. Так я решил – лучше потом записочку отдам.

– Не может быть, чтобы ты не спросил про Дуняшку беглую, – буркнул Еремей.

– Дуняшки в доме не было, – горестно сказал Тимошка. – Нет Божьей справедливости – такая девка, и крепостная...

– Ты Бога не гневи, а благодари, – нравоучительно вразумил Фофаня. – За все, что дает, благодари. И тогда много даст. Вот я босой по снегу бежал и благодарил – и Бог такого славного господина послал, – он для подкрепления своих слов низко поклонился Андрею.

– Мы сейчас поедem к Акиньшину, – решил Андрей. – Коли его не найдем в полку, я с товарищами поговорю. Ведь какая наглость – измайловца выслеживать! Коли понадобится – солдат у дома поставим.

Еремей показал Тимошке кулак: ишь, пакостник, сбил барины со свадебной линии.

– Так-то так, любезный баринок, а лучше бы начать с иной визиты. Дамское дело такое, что с утра подхватятся – и по лавкам. А застать бы за кофеem... Хочу, покамест ноги носят, сыночков твоих, Андрей Ильич, вынянчить... – это прозвучало необычайно жалобно.

Андрей знал, что дядька в глубине души считает его своим сыном. Он и сам сильно привязался к Еремею – отца помнил плохо, мужчины подходящего возраста в дому у теток не появлялись. Еремей был и единственной защитой, и образцом для подражания. Раньше Андрей как-то не задумывался о его семейном состоянии. А сейчас, познав одиночество слепого среди зрячих, он вдруг понял: Еремей-то ведь тоже один, детей не завел, потому как слово, данное покойному хозяину, крепко держал – нянчился с барчонком. И вся его жизнь связана с господином Соломиным так, что крепче не бывает.

– Ладно, едем! – смирился Андрей.

* * *

Фофане нечего было делать у Катеньки, и он остался, пообещав разобрать и подклеить разлетевшиеся книжные и журнальные листки, которые перепутались в сундуке.

Катенька жила в трех шагах от Невского, окна ее дома смотрели с одной стороны на Фонтанку, а с другой – на старый сад, где стояли развалины древних оранжерей. Сказывали, их строили еще при государе Петре Великом. Сад подступал близко к дому, и летом там был бы рай земной, кабы не свалка всякой дряни, устроенная столичными жителями поблизости. Возок остановился, заехав со стороны сада, и это было особой деликатностью Тимошки и Еремея: чтобы никто лишний не видел барина с черной повязкой на глазах.

Еремей вышел первым и протянул руку своему питомцу.

– Говорил же я! – сказал он, глядя на распахнутые окна. – Этого Селифашку отправить в деревню, на выселки! В черной избе жить! Пока худших бед не натворил! – он имел в виду истопника Селифана, великого мастера устраивать угар.

Видимо, с утра Катенька с домочадцами из-за неисправной печки угорела, потому что, невзирая на морозец, квартиру проветривали.

Андрей вышел, постоял, собираясь с духом, и велел дядьке вести себя к дверям.

Катенька нанимала хорошую квартиру во втором этаже. Получив наследство после мужа, она не пустилась в щегольство, а откладывала копеечку к копеечке, задумав открыть набойное заведение – делать и продавать недорогие холсты, миткали и ситцы с набивкой. Набойчатые ткани были в моде – ими и стены затягивали, и мебель обивали, не говоря уж о полах и оконных занавесках. В дело было вложено немало денег, и оно уже начало приносить прибыль. Но от светских приятельниц Катенька это скрывала: занималась делами своей мануфактуры до обеда, а после желала быть дамой, аристократкой и прелестницей.

Умственным взором Андрей уже видел маленький Катенькин кабинет, в котором надлежало быть объяснению. Не в гостиной она приняла бы любимого, а в кабинетике, который сообщался со спальней.

– Ахти мне!.. – прозвенел вдруг нежный голосок.

– Устюшка! – признал выскочившую из дверей комнатную девку Тимошка.

– Да господи... – прошептала та, уставившись на Андрея.

– Беги, куда бежала! Кыш! – приказал Еремей.

Бежала-то Устюшка с ведром золы к помойной горе. Но тут уж стало не до ведра – прямо с ним девка заскочила обратно в дом. По лестнице она, видать, взлетела. Еремей поднял голову, ожидая, что в окне появится Катенька.

Та и появилась – в накинутой на плечи бархатной шубке, в белом шерстяном ажурном платке, повязанном чуть ли не по-монашески. На устах светилась счастливая улыбка. Еремей ей улыбнулся, как бы говоря: «Причитается с тебя, голубушка, привез тебе твоего сумасбродного жениха».

И тут громыхнул выстрел. Катенька ахнула, взмахнула руками и пропала. В доме закричали. Тимошка остолбенел, а Еремей, схватив барина в охапку, вместе с ним рухнул в возок с криком «Гони, дурак, гони!»

– Что это было? Кто стрелял? – спрашивал, барахтаясь, Андрей.

– Дурные люди, – отвечал дядька, как когда-то в детстве, объясняя питомцу несовершенство мира.

Когда возок выкатил на Невский, Еремей дал Тимошке знак остановиться. Невский проспект был местом безопасным – полно прохожих, в том числе и военных, если кто вздумает безобразничать – сразу скрутят.

– Еремей Павлович! Объясни, Христа ради, что творится! – сердито требовал Андрей.

– Сам не знаю... Тимошка, стой тут с возком, а я схожу узнаю, что за стрельба посреди Питера, – Еремей и сейчас понимал, что целились в Катеньку, но не хотел раньше времени огорчать питомца.

Дядька отлично изучил Андреев нрав. Желание Андрея посчитаться за погибшего друга Еремей уважал – но понимал, что не так-то это просто. Тут же был враг незримый, коварный и не имеющий ни малейшего понятия о чести. Еще не понимая, как выстрел по Катеньке мог быть связан с Гришиной дуэлью, Еремей сперва утащил питомца в безопасное место, ибо береженого – Бог бережет. Он не сразу подошел к Катенькиному дому, а сперва обошел его со стороны сада.

Опасности вроде не обнаружилось, и тогда Еремей побежал к дверям. Окна все еще были открыты, доносился невнятный шум. Еремей вошел, споткнулся об оставленное Устюшкой ведро, поднялся по лестнице и, идя на голоса, приоткрыл дверь в гостиную.

Домашние женщины на коленях стояли у лежавшей на полу Катеньки. Ее руки кто-то уже скрестил на груди, как положено покойнице. Одни плакали, другие кляли обленившуюся столичную полицию. Еремей понял, что за полицией уже послано.

Никто не заметил его, и он бесшумно спустился вниз. Выстрел по Катеньке мог быть сделан только из сада. Еремей понимал, что и полицейские будут искать следов убийцы в саду, поэтому шел все краем, краем, понемногу приближаясь к подходящему месту напротив окна. Это место он узнал по веткам, с которых оказался сбит снег. Человек, стрелявший в Катеньку, вероятно, сидел на дереве.

С одной стороны, это странно – этак ведь и неделю просидеть можно, ожидая, пока из-за угара в квартире будут отворены окна да пока хозяйка зачем-то выглянет. С другой стороны – уж не водилось ли среди Катенькиной прислуги подлеца, устроившего угар за малые деньги, навроде Селифашки? Катенька терпела его, потому что он был племянником ее надежной домоправительницы и казначейши Егорьевны. С третьей стороны – человек, затеявший убийство, наверняка заранее придумал способ подманить Катеньку к окну. Скорее всего, у него имелся сообщник.

Еремей внимательно рассмотрел следы у дерева. Те оказались глубиной в пол-аршина, и о величине сапог он судить не мог. Но он смог пойти по этим следам. Сидевший на дереве стрелок пробежал весь сад насквозь. Затем он сбежал на лед Мойки. Лед был исчерчен следами полозьев. Может статься, тут убийцу ждали сани. А сообщник преспокойно ушел к Невскому и затерялся в толпе.

Очень огорченный, Еремей пошел назад. Ему, разумеется, было жаль Катеньку. Но больше жалости была тревога за питомца. Что учудит капитан Соломин, узнав эту новость? В петлю бы не полез...

* * *

Еремей обнаружил глупейшую картину – Андрей сидел в возке, выставив ноги наружу, и негромко звал Тимошку, а кучер, отбежав на два десятка шагов, самозабвенно рыдал. Он припал к стене дома, но прохожие все равно задевали его, а кое-кто и ругал.

– Дуралей, – сказал, подойдя, старый дядька. В его устах это звучало чуть ли не лаской.

– Дядя Еремей? Как же теперь-то?

– Сам не знаю...

– А может, жива?..

– Нет, Тимоша. Беда, однако... Да не реви. Оно и видно, что под Очаковым не бывал...

Сам Еремей на покойников нагляделся. А Тимошка отродясь дальше Курска не выезжал. Он был соломинским крепостным, с детства состоял при двоюродной бабке Андрея, был отдан в обучение старому кучеру, чтобы со временем заменить его и править шестериком. Но бабка

померла, и по ее завещанию Тимошка перешел к Андрею. Это выяснилось, когда Еремей вез барина через Курск. Решено было тут же забрать с собой Тимошку – а куда парню еще деваться?

Собравшись с духом, Еремей пошел к питомцу.

– Вот такое дело, Андрей Ильич, – сказал он хмуро, и одно то, что не назвал Андрея баринком разлюбезным, уже означало дурную новость. – Стало быть, стреляли – и попали в госпожу Кузьмину.

– Как это? – спросил Андрей.

– Она подошла к окошку – и выстрелили.

– Жива?

Еремей вздохнул.

– Да говори ж ты! – закричал Андрей. – Жива, мертва – прямо говори!

– Нет ее, батюшка мой... Прямо в сердце...

– В сердце... – сказав это, Андрей словно окаменел.

Дядька смотрел на него и все яснее понимал, что человек может умереть по собственному желанию, одним мощным усилием воли.

– Едем на постоянный двор, сейчас же! – закричал он. – Тимошка, черт немазанный! Где тебя носит?! Сукин сын! Да что ж тебя, за ухо к коням тащить?

Андрей позволил усадить себя в возке поудобнее. Ему было все равно – он ощущал завершение жизни так, как если бы тонул – и вода заполняла легкие. Почти безболезненно – и лишь бы скорее...

Еремей говорил без умолку, ругал раззяву Тимошку, ругал дворников, не умеющих убрать с улиц растоптанный конский навоз, погоду тоже ругал. Ему казалось – пока Андрей волей-неволей слушает его, дурные мысли не имеют доступа в Андрееву голову. Тимошке было легче – он правил лошадьми, занятый делом, и рядом с ним не сидел онемевший барин. Но на подступах к постоянному двору Семена Моисеева их всех ждало приключение.

Народу на улице случилось немного, и все продвигались медленно, чтобы не поскользнуться на ледяных лепешках. И вот Тимошка заметил человечка, который не то чтобы бежал, а очень ловко скользил по льду, словно на коньках, продвигаясь со скоростью конской рыси. За спиной у этого человечка был преогромный узел. Он проскочил чуть ли не под конскими мордами, и тогда только Тимошка его узнал.

– Ах ты негодник! – завопил кучер и развернул коней.

Погоня длилась недолго. Тимошка орал, хлестал кнутом по узлу на спине человечка и собрал наконец целую толпу веселых зевак – такого развлечения скучным зимним днем они и не чаяли. Кучер гнал Фофаню – пока тот не поскользнулся и не шлепнулся. Тогда возок остановился.

– Ну, сукин сын! – закричал, выскочив, Еремей. – Ну, чертово отродье! Андрей Ильич, а ведь мы ворюгу пригнали! – он снял с Фифани тяжелый узел и определил его вес пуда в полтора.

– Это ж он, не иначе, из сундуков повыгреб! – догадался Тимошка, у которого хватило ума не смущать обывателей словом «пистолеты». – Думал, мы поздно вернемся! Ах, ирод!

– Подвиньтесь, барин мой любезный, – попросил Еремей, желая пристроить узел в возке. – Ну, Бог уберет. А этого проныру я сейчас пинком в гузно выше колокольни запущу!

– погоди, – это было первое слово, сказанное Андреем за всю дорогу.

– Может, свести его в управу благочиния? – предложил Тимошка.

– Нет.

– А что же?! – Еремей не всегда понимал до конца своего барина, тут же не понимал совершенно.

– Возьмем с собой.

В конце концов Тимошка привез Андрея и украденное добро на постоянный двор в возке, а Еремей привел Фофаню за шиворот, сопровождаемый зеваками и их разнообразными советами. Там Андрей распорядился запереть вора в чулане и опять замолчал.

Еремей был мужик сообразительный. Он знал, о чем думает питомец. Первое – как проститься с невестой, если есть смысл прощаться. Не станешь же ощупывать покойницу? Второе – отчего могли застрелить Катеньку. Ведь кто-то бродил у дома, выжидал; статочно, угар – его рук дело, чтобы отворились окна и можно было с дерева попасть в человека в глубине комнаты. Значит, Катенька сильно кому-то помешала, ведь застрелить человека посреди столицы, в трех шагах от Невского, – это ж какую отчаянную наглость нужно иметь? Далее думали одновременно Еремей и его питомец: ведь Катенька не сидит сиднем дома, выезжает, бывает в гостях, в лавках, ездит на свою мануфактуру на Охту, отчего ж столь сложный и опасный способ?

Но приставать с нежностями Еремей не стал – слишком хорошо он помнил маленького, беленького, болезненного мальчика, которого сам же школил без лишних сантиментов.

– Вот что, дяденька, – вдруг сказал Андрей. – Приведи-ка ты ко мне Акиньшина.

Еремей вздохнул с облегчением – Акиньшина он уважал. Опять же, старший товарищ все то время, что Андрей обретался в мушкетерском полку, провел в столице и мог знать что-то важное. До Измайловского полка Еремей долетел с ветерком – на извозчике.

Не доезжая дома, где квартировал Акиньшин, дядька увидел толпу. Очень ему не понравилась эта толпа, он велел извозчику ждать, соскочил и побежал разбираться.

– Что там, пожар? – спросил он у знакомого солдата.

– Какое там пожар, человека закололи, – отвечал тот.

– Кого?

– Бригадира Акиньшина, царствие ему небесное.

Тут Еремей и речи лишился.

– Прямо в сердце нож вошел-то, – продолжал солдат. – Там теперь господин секунд-майор Ладыженский всех расспрашивает – кто что знал да видел.

Еремей опомнился. Прозвучали в ушах Тимошкины слова: кто-то за домом следит, ходит, в окошки исподтишка заглядывает, а второй за углом прячется и с этим переглядывается...

Мысль о том, что убийцы могут безнаказанно стоять в толпе и слушать разговоры, удержала его от дальнейших расспросов. А знать он хотел многое: где акиньшинский преданный денщик Афанасий, видел ли кто в этом доме Дуняшку, да и куда Акиньшин девку спрятал. Еремей подозревал, что и слежка, и удар кинжалом объяснялись просто: Акиньшин, идя по следу вымогателей, зашел чересчур далеко и стал для них опасен. Но коли так – подлецы могли знать, что он бывал у капитана Соломина в доме подпоручика Беклешова, и запросто увязать меж собой исчезновение Дуняшки, знающей в лицо Машиного соблазнителя, и дружбу Андрея с Акиньшиным. Это было бы совсем некстати.

Поскольку Еремей заведовал всеми соломинскими деньгами, то и знал: денег этих немного, сколько потребует лечение – неведомо, а надо бы где-то спрятаться, во сколько бы ни обошлось убежище. Когда удастся продать турецкое оружие – одному Богу ведомо, а с постоянного двора Семена Моисеева лучше бы убраться поскорее – может статься, Андрея там уже выследили.

* * *

Где взять денег – он додумался сразу. Питомец, правда, не одобрил бы способа, но сейчас было не до его фанаберий.

– К Саморойке! – велел Еремей извозчику, садясь в санки.

Обе тетки Андрея, одна – вдова, другая – старая девица, отличались обыкновенными причудами старых барынь, только в чуть ли не крайнем проявлении, и обе были суеверны. Они сговорились – когда постареют, разом уйдут в Воскресенскую девичью обитель. Но со старостью у них были особые отношения – тетки еще могли на Масленицу, надев черные плащи-капуцины, помчаться в маскарад, чтобы, изрядно поморочив голову молодому кавалеру, вдруг снять перед ним маску. Поэтому уход в обитель все откладывался. Но, чтобы подготовиться к этому важному шагу, они поселились неподалеку от нее, на речке Саморойке, и всей столице хвалились, какова там тишина и сколь приятны прогулки. Другое дело, что поблизости была слобода Конногвардейского полка, и тетки, когда святость отступала от них, охотно ходили любоваться статными всадниками. Но шесть лет назад стряслась беда – господин неугомонный фаворит, князь Потемкин-Таврический, вздумал строить в слободе свой дворец, и настал Саморойке конец – ее стали обращать в два пруда, соединенных меж собой протоками.

Когда-то, попав в дом у Саморойки вместе с маленьким Андрюшенькой, Еремей выдержал истинное сражение с тетками, купившими для юного родственника соболье одеяльце и непременно желавшими кутать ребенка в любое время года. Но он знал, что тетки по-своему любят Андрея и имеют довольно денег, чтобы ему помочь. Достаточно было рассказать им правду...

Еремей застал теток в гостиной – они ждали в гости приятельниц. Главным угощением была новая находка – безрукая баба, шившая пальцами ног. Рядом с таким сокровищем слепота родственника показалась теткам явлением незначительным. Но дядька объяснил, что на докторов нужны деньги, и тетки расщедрились – дали пятьсот рублей.

По дороге к постоялому двору Еремей сочинял речь. Нужно было растолковать питомцу, почему он пропадал так долго, и Еремей, вспоминая случайно услышанные подробности убийства Акиньшина, выстраивал их в связный рассказ, чтобы возникло впечатление, будто он болтался в Измайловском полку очень долго.

Андрей, узнав печальную новость, произнес одно-единственное слово:

– Так...

– Надо бы отсюда убираться, – сказал Еремей. – Если за господином Акиньшиным следили, то знали, что он у тебя бывал, Андрей Ильич, и про девку Дуняшку тоже, поди, все знали. Я так думаю, ехать коли не в Москву, так хоть во Псков. Эти сукины сыны ни черта не боятся – прямо в полку ведь господина Акиньшина закололи.

Андрей молчал довольно долго. Дядька ждал разумного ответа, а ответ был «нет!». Еремей понимал – отступление для питомца попросту унижительно. Доводы рассудка сами по себе, а упрямый норов и почти безумное понятие о чести – сами по себе. Значит, нужно дать Андрею время успокоиться.

На то, чтобы Андрей от простейших ответов «да», «нет», «не хочу» перешел к сложным, вроде «убери тарелку», ушло двое суток. Все это время он почти не спал – только сидел неподвижно, лицом к стене. В конце концов дядька зарядил пистолеты и сел рядом с Андреем, выложив вороненные стволы на колени. Если бы кто сунулся в комнату без условного стука – тут же и получил бы пулю в брюхо.

Тимошке Еремей приказал стеречь Фофаню, который неведомо зачем понадобился барину, и бегать в трактир за горячей пищей. В чулане, куда, уговорившись с Семеном Моисеевым, заперли вора, было крошечное окошечко, и Еремей, умом понимая, что человеку в него не пропихнуться, все же беспокоился, как бы не подвести питомца. Поэтому бедный Тимошка и ночью проверял узника.

Андрей думал. Мысль гуляла по безмятежному прошлому, из памяти добывались ласковые Катенькины слова, ее влюбленные взоры, строился светлый дворец, обитель счастья, и рушился в беспросветный мрак. Там, во мраке, десятый, двадцатый и сороковой раз подряд

оглушенная болью душа собиралась с силами и начинала выползать, цепляясь за остатки воспоминаний, подтверждающих ее стойкость в беде.

Положение было такое, что отступление – не позор: вымогателям многие высокопоставленные господа безропотно деньги платят. И увечье Андреево тоже – хороший повод уехать подальше от столицы. Но в голове у армейского капитана Соломина наконец стало складываться некое сооружение – как будто малое дитя мастерило из деревянных чурочек башню. И надо ж тому случиться, что краеугольный камень, положенный в основание, Андрей подобрал на своем жизненном пути по необъяснимому наитию...

– Где Фофаня? – спросил он.

– Как ты велел, в чулан заперли, – доложил Еремей, с тревогой глядя на питомца: точно ли выходит из смертной тоски?

– Приведи-ка.

Фофаню вынули из чулана, где он уже сумел подобраться к узкому окошку и искал способа протиснуться, и поставили перед Андреем. При этом Еремей исподтишка дал ему хороший подзатыльник.

– И кто ж ты таков, брат Фофаня? – спросил Андрей. – Признавайся уж. Ведь не канцелярист.

– Да что говорить – шур я...

– Кто?

– Шур. Ворую понемногу.

– Понятно.

– Понемногу! – закричал возмущенный Еремей. – Да эта куча добра поболее тебя тянет!

– погоди, Еремей Павлович, – попросил Андрей. – Я хочу сделать ему вопросы. Ты точно Фофаня или какой-нибудь Дормидонт?

– Феофаном крестили.

– И давно в этом ремесле?

– Сызмала.

– Это как же?

– Малорослым уродился. Меня старшие в амбарное окно по веревке спустят, я им оттуда хабар подаю. Они-то не протиснутся, а я всюду пролезал.

– Это хорошо.

Еремей и Тимошка переглянулись – уж больно странно рассуждал барин.

– Стало быть, ты не один промышлял? – продолжал расспросы Андрей. – Были у тебя старшие, уму-разуму учили?

– Как не быть...

Фофаня был порядком напуган. Что ему досталось Тимошкиного кнута – он считал делом обычным и даже правильным. Что заперли в чулан – тоже; хорошо, что сразу не поволокли в управу. Но вот спокойные вопросы слепого барина и его бледное неподвижное лицо – внушали страх. Так и казалось, что после очередного ответа капитан Соломин скажет: «Более тут говорить не о чем, будем с ним кончать...»

– А куда бы ты украденное поволок?

– Есть надежные люди. Сумеют пристроить.

– И если бы алмазы украл – тоже бы тебе на них покупателя сыскали?

– Сыскали бы. На всякий товар есть купец.

Фофаня никак не мог понять смысла вопросов; видел, что не простое любопытство скупающего барина, но к чему клонит Андрей – не мог уразуметь и стал волноваться.

– Скотина ты неблагодарная, – сказал ему Еремей. – Тебя из беды спасли, а ты как отплатил?

– Ох, от большой беды, – сразу согласился Фофаня. – Кабы меня поймали, спину бы перебили, как бог свят! Там один за мной бежал – так целой оглоблей махал! А я-то слабосильный...

– Так что это такое было? – спросил Андрей.

История, которую поведал Фофаня, сильно отличалась от той, что Андрей услышал ночью в возке. Фофаня несся по улице босиком потому, что снял валяные сапоги и онучи, идя на дело. Ему казалось, что он знает все внутренности лавки, но туда притащили что-то новенькое, и оно повалилось на пол с превеликим грохотом. Если бы не Андреев возок – Фофаню бы схватили сторожа, сперва побили, потом сдали в управу благочиния, а там опять побили. Никакой жены у него никогда не было – была маруха, которую он делил с таким же незадачливым злоумышленником. Да и та уже говаривала, что убирался бы сожитель, не умеющий денег в дом принести, на все четыре стороны.

– Экий ты бесталанный, – сказал Андрей. – Вот что, дяденька, сделаем мы сейчас доброе дело – отпустим Фофаню на все четыре стороны.

– А что ж? Это дело милосердное, – согласился Еремей. – Прощать – надобно. Так ведь сегодня же кого-то другого обворует. По твоей, баринок разлюбезный, милости.

– Делай, что сказано, и ломоть хлеба на дорогу дай. Тимоша, проводи его до ворот.

– Век за вас, барин, молиться буду! – воскликнул Фофаня, грохнулся на колени и лбом об пол стукнулся, как перед образами. – Тут же и пойду! Возблагодарю!

Тимошка, очень недовольный, поднял и увел Фофаню.

– Еремей Павлович, одевайся живо и ступай за ним, – приказал тогда Андрей.

– И что?

– Коли пойдет в монастырский храм – и ты туда за ним. Когда из церкви вон пойдет – тут ты его хватай и обратно сюда тащи.

– А коли мимо церкви побежит и никакая служба ему не надобна?

– Ну тогда – пусть бежит. Невелика потеря...

Уходя, Еремей указал Тимошке взглядом на барины, что означало: не оставляй одного ни под каким видом, как бы чего не натворил. Тимошка делал все, что мог: стоял рядом, докладывал о столичных ценах на сено, солону и овес, о конском здоровье, о состоянии возка. Это не отвлекло Андрея от печальных мыслей, а под конец стало сильно раздражать, и он выслав кучера из комнаты с приказанием без спроса не входить.

Две смерти в один день – это даже для боевого офицера, потерявшего под Очаковым с дюжину сослуживцев, было многовато. Невеста и друг... Однако именно в таком подавленном состоянии он вдруг понял: все, что можно потерять, потеряно, и можно кидаться в атаку безбоязненно. Что там осталось – жизнь? Велика ли ей цена, если не исполнен долг секунданта, если не наказаны убийцы Катеньки. Да еще Акиншин – его погубили те, по чьей милости погиб горячий Гриша, пропала бедная Машенька... Зрение не отвлечет рассудка, зрения нет. Мысль может летать в просторах и трудиться, как землекоп. И она, мысль, довольно скоро нашла способ сразиться с врагом, именуемый «ловушка».

Ловушки могли быть две. Первая – та богатая девица или дама, которую враг желал запугать судьбой Маши Беклешовой, чтобы стала посговорчивее. Эту особу следовало угадать и тщательно изучить, что вокруг нее происходит. Вторая – вторая... Ее очертания уже рисовались в Андреевой голове... Для удобства он дал ей имя. Представил он себе эту особу в виде паука, сидящего в центре огромной паутины; паука в бархатной маске, как будто тот собрался в маскарад. Пока маска не сорвана – пусть будет мусью Аноним!

Постучав, вошел Еремей. За шиворот он вел Фофаню.

– Да что ж такое? – жалобно зывал Фофаня. – Из храма Божия, яко татя полунощного, вытащили! На что я вам, люди добрые? Коли хотите полицейским трущам сдать – так хоть не мучайте! Отпустили, снова изловили!..

– Помолчи, – велел ему Еремей. – Так вот – он точно первым делом побежал в храм. Тот, монастырский. И там всех в изумление привел – таких кающихся грешников в храме, поди, и не видали.

– Так что ж, была тебе от Фофани душеспасительная польза? – осведомился Андрей. – Вот что – кликни-ка мне Тимошку. Пошлю его с поручением.

Поручение последовало такое – узнать в монастырском храме все, что можно, о святом Феофане, том, память которого весной, потому что Фофаня как-то проболтался, будто родился в Страстную седмицу. А когда станет ясно, о ком речь, хоть все столичные храмы обежать – а найти в церковной лавке его образ и, выменяв, принести.

– А с этим что делать? – спросил Еремей.

– Да в тот же чулан. И сам сторожи – не то додумается, как уйти в окошко. А он мне надобен.

Фофаня опустил глаза. Побег стал насущной необходимостью.

Сперва Фофаня ныл, то просился до ветра, то требовал хоть кус хлеба, то кружку воды, и разозлил Еремея. Еремей изругал его и более не обращал внимания на слезы и причитанья. Фофаня добился своего и основательно занялся окошком. Опыт лазания даже в очень узкие окошки у него имелся – он умел так сместить плечевые кости, что они проходили через дыру шириной куда менее полуаршина.

Однако Фофане опять не повезло – чуланная дверь отворилась, и Еремей уже привычным движением цапнул беглеца за шиворот.

– Ну что ты за нечистая сила?! Чтоб ты разнесло! Вот застрял бы и все себе в штанах поморозил! Пошли к барину!

Барин сидел, держа обеими руками небольшой образ – без рамы, без оклада. Рядом стоял гордый Тимошка. Ему удалось угодить Андрею.

– Вот ведь упрямый черт, – сказал, втаскивая Фофаню, Еремей. – Опять сбежать хотел.

– Ступай-ка сюда, Фофаня, – строго сказал Андрей. – Ты это меня переупрямить вздумал? Не на того напал. Погляди-ка – что это у меня?

Образ старого письма порядком потемнел, и Фофаня долго в него вглядывался. Еремей стоял рядом с подсвечником и приговаривал:

– Да он это, он, покровитель твой небесный, ишь, от стыда за тебя, поганца, весь помрачился!

– Признал? – спросил Андрей. – А теперь перед образом дай мне слово, что не уйдешь от меня самовольно и воровать будешь лишь с моего согласия...

– О Господи! – воскликнул Еремей и чуть не перекрестился подсвечником.

– ...и коли обманешь, не я тебя покараю, а силы небесные!

На Фофаню жалко было глядеть:

– Барин добрый, на что я вам сдался?

– Присягай, присягай! – вдруг закричал Тимошка. – Крестись и землю ешь!

– Нет тут никакой земли!

– Сколько грязи с пола наскребешь – съешь! Не то к частному приставу сведем!

Никто не знал, как принимать присягу у вора, клясться на святом образе – тоже никому не доводилось. Наконец Андрей изобрел церемониал и сочинил клятву, начинавшуюся так: «Я, раб Божий Феофан Морковкин, вор и похититель...» В церемониал входило многократное целование образа и призывание Фофаней на свою голову страшных всевозможных кар, под сказанных Еремеем. Они вели свое происхождение от очаковской осады.

– Чтоб мне ноги ядром оторвало, – повторял вслед за Еремеем Фофаня, – чтоб мне ятаганом брюхо располосовало, чтоб мне мои бубенцы тупым ножом отпилили да на шею повесили...

Наконец наступило молчание. Присягу сочли состоявшейся, потому что ничего более придумать не могли. Фофаня недовольно сопел.

Еремей выжидал нужной минуты, чтобы сказать барину про деньги.

– Я, Андрей Ильич, в полку встретил господина Каменского, из преображенцев, и про персидские ножи ему сказал. Он просил завтра привезти на показ. Сказал – хочет самые лучшие и дорогие. Так я повезу?

– Вот что, дяденька. Ты ножи предлагай, а пистолеты не трожь, – сказал ему Андрей. – Самим пригодятся.

Злоупотребив тем, что Андрей слеп, верный дядька только повозился в сундуках с оружием, погреметь – погремел, а брать ничего не стал.

Когда Еремей ушел, Андрей несколько времени сидел молча, облокотясь на стол. Он выстраивал в голове сложное сооружение будущей интриги. Это было посложнее, чем диспозиция маневров роты или даже полка. Хотя бы потому, что на войне обычно представляешь себе, в которой стороне враг. Мусью же Аноним мог оказаться повсюду.

* * *

Капитан Соломин отнюдь не был интриганом и желал жить просто – служить Отечеству, жениться на любимой женщине, проводить досуг с добрыми друзьями, растить детей. Но секундант обязан поединок довести до конца. И теперь оружием Андрея мог быть только разум. Этот разум метался, как загнанный в ловушку с сотней фальшивых выходов зверь, пробовал то одно, то другое, и верный путь наконец обозначился. Точнее говоря, мысль о нем явилась, когда Андрей расспрашивал пойманного Фофаню. А теперь окрепла и была почти готова к употреблению.

– Война объявлена, – сказал Андрей. – Следующий удар ножом, статочно, достанется мне... А вот черта вам!.. Тимошка! Тимошка! Живо за хозяином! Может, еще не поздно.

Хозяин постоялого двора явился на зов и доложил: родственник-огородник дома еще не продал, хотя и сбавил цену. Торговаться Андрей не любил – неприлично гвардейцу, пусть и бывшему, собачиться из-за рублей и полушек, как базарная баба, поэтому попросил хозяина подождать возвращения Еремея.

Потом он опять остался один. Тимошка обихаживал лошадей, Фофаня ушел на поварню греться. Андрей сидел и думал, как странно устроен человек: утром услышал выстрел и узнал, что невесты больше нет, а вечером, двое суток спустя, уже измышляет козни, словно бездушное существо. Очевидно, по особой милости Божьей он обратился в нечто вроде ледяной статуи, способной передвигаться и почти не ощущающей боли...

Дверь скрипнула, кто-то вошел.

– Добро пожаловать, сударь, – сказал Андрей. – Что вам угодно?

– Простите, Христа ради, – ответил молодой женский голос. – Мне нужен господин Решетников. Он назначил мне тут встречу. Очевидно, я ошибся дверью...

Если бы зрение вернулось к Андрею, он бы сразу понял несурязицу: незнакомка была в мужском костюме. А так – он даже усомнился в собственных ушах.

– Нет тут никакого господина Решетникова, – ответил Андрей. – И я этого имени на постоялом дворе не слышал, хотя живу тут не первый день.

– Может статья, я опередил его. Простите, сударь, что потревожил вас, – дверь затворилась, но через минуту открылась снова. – Простите, сударь, – сказала незнакомка. – Я вижу, вы человек благородный. Со мной дама... Нельзя ли ей побыть немного в вашей комнате? Она тихонько посидит в углу... Нельзя, чтобы она бродила по постоялому двору, где ее всякий может видеть и бог весть что подумать, а господин Решетников будет с минуты на минуту.

Сейчас Андрей по особенному, совершенно музыкальному волнению в голосе понял: с ним говорит совсем молодая женщина.

– Разумеется, – согласился он. – Но если дама скрывается, а преследователь войдет сюда, я не смогу защитить ее. Возможно, вы во мраке не разглядели – я слеп... – он коснулся рукой своей черной повязки.

– Нет, я заметил, – немного смущенно сказала незнакомка. – Простите... Если разговор об этом вам неприятен, я умолкаю... Позвольте рекомендоваться – Александр Дементьев, служу в Коллегии иностранных дел.

Это вранье прозвучало удивительно бойко. И Андрей наконец сообразил: незнакомка переодета в мужской костюм. До Масленицы с маскарадами было еще далеко, но многие дамы имели в своем гардеробе штаны с кафтанами и носили их, когда пышные юбки казались обременительны. Визит к любовнику в модном платье требовал целого эскорта из горничных – дама самостоятельно не могла ни раздеться, ни одеться.

– Козловского мушкетерского полка капитан Андрей Соломин. Приводите свою даму, сударь, – сказал Андрей.

Мнимый Дементьев выскочил и вскоре вернулся. Андрей услышал шуршание юбок, а если бы увидел даму – то при всем желании не узнал бы ее, она была в черной бархатной маске, а губы и подбородок – закрыты шарфом.

– Здесь вы в безопасности, сударыня. Садитесь, – предложил Андрей, вставая. – Не знаю, есть ли тут еще стул или скамья.

– Лавка есть. Садись, сударыня. Господин Соломин, я пойду поищу господина Решетникова, – сказал «Дементьев».

– Найдите у конюшен моего кучера Тимошку. Он тут со всеми, поди, перезнакомился. Велите ему, чтобы, когда появится господин Решетников, пришел за вами ко мне.

– И верно!

«Дементьев» ушел. Судя по тому, что следом не прошуршали юбки, приведенная дама осталась.

– Я могу быть вам полезен? – любезно спросил Андрей.

– Нет... – прошептала она.

Оба молчали, пока не явился мнимый Александр Дементьев.

– Я уговорился с вашим кучером, – сказал он. – Отчего вы стоите? Сядьте!

Андрей не хотел признаваться, что, сделав лишний шаг, он потерял стул. Но незнакомка в мужском платье догадалась. Она быстро подошла, подвинула стул удобным образом и поддержала Андрея под локоть – для уверенности.

– В Петербурге есть прекрасный доктор Граве. Если только сами глаза целы – он непременно поможет вам, вот увидите!

– Глаза целы. Я ударился головой, свалившись со стены замка Гасан-паши.

– Не надобно вспоминать о прошлом, уж поверьте мне! Никого и никогда не спасали воспоминания! – пылко заговорила незнакомка. – Прошлого нет, оно кончилось! И настоящего, может, тоже нет! Шаг один – и настоящее стало прошлым и уже не имеет никакого значения!

– Что же тогда есть?

– Будущее! Только оно!

– Должно быть, в вашем прошлом не было ничего такого, что...

– У меня и прошлого-то не было! Не могу же я считать прошлым мелкие обиды, случайные радости и дружество совершенно не обязательное.

– Но если бы сильное чувство...

– Нет, сильного чувства точно не было!

– ...Вы бы говорили иначе, – и Андрей, сделав паузу, добавил: – сударь.

– Но если чувство завершилось, то оно остается в прошлом.

– Не будем об этом. Я чай, вам не более осымнадцати лет.

– Более. Но мне дали отменное образование и помогли развить ум и душу чтением философских книг, – гордо сказала незнакомка. – Послушайте, если кто-то из ваших людей знает грамоте и хорошо читает вслух, я могу прислать замечательные книги.

Спутница незнакомки, устав, видимо, от своей маски и решив, что слепой собеседник не опасен, сдвинула ее на лоб.

– Буду признателен, – ответил Андрей. – Хотя от философии я далек. Я всего лишь пехотный офицер.

– Всякий человек склонен к философии, – назидательно заметила незнакомка. – Ведь мысль, что зародилась в уме, невозможно удержать от развития. Это такая же природная склонность, как любовь к музыке, – всякий любит петь, и вы, сударь, тоже. Но склонность может развиться в талант. Почему вы знаете – может, в вас живет талант к постижению философии?

– Сомневаюсь. У меня больших добродетелей и талантов нет, – сказал Андрей. – Все мои умения – светские, для гостиных пригодные. Да еще стрелять, фехтовать, обучать военному строю солдат... Как видите, я человек обыкновенный. Но у меня есть одно свойство, похвальное ли – не знаю. Я упрям. Коли что решил – сделаю. Коли к кому привязался – может, и сам пойму, что человек того не стоит, а из упрямства буду за него держаться, пока самому не надоест.

– Я так и думал, – ответила незнакомка.

– Почему?

– Ваше лицо... От него исходит холодный свет...

– Как это?

– У вас очень светлые волосы. И такой тон кожи – белый металл. В вашем лице есть нечто от ангела, который исполняет волю Божью, и человеческими доводами его с пути не свернуть. Такая же безмятежность в чертах...

– Благодарю. Не ожидал. – Андрей провел ладонью по лицу – ничего металлического не обнаружил. Ему стало забавно и грустно... – А что еще во мне ангельского? – спросил он.

Незнакомка задумалась.

– Мне кажется, вы даже ради спасения своей жизни не сможете взять в руку шпагу, если эфес выпачкан в грязи... Я вижу в вас какую-то чрезмерную чистоту. Оставьте ее ангелам, право! Иногда приходится и грязь терпеть – если нет другого способа помочь своим любимым.

Неизвестно, куда бы завел Андрея сей метафизический диалог, но в комнате появился Тимошка.

– На конюшню человек пришел, сказался – от господина Решетникова! – доложил он. – И господина Вальцева просил сыскать в номерах, они оба в ночь уезжают... – тут он замолчал и уставился на спутницу незнакомки.

Та, встав, торопливо натянула на лицо свою бархатную маску и вновь закутала газовым шарфом подбородок.

– Слава богу! – воскликнула незнакомка. – Бежим скорее! Соломин, я буду помнить про вас, я вас сыщу! И книги пришлю!

Обняв за плечи спутницу, незнакомка быстро подвела ее к двери и, оттолкнув внезапно онемевшего Тимошку, вместе с ней выскочила в коридор.

– Тимоша, опиши мне ее, – вдруг попросил Андрей, имея в виду «Дементьева».

– Барин! – вдруг завопил Тимошка. – Она! Ей-богу, она!

– Кто она-то, чудак?

– Госпожа Беклешова! А я гляжу – она или не она? Волосы-то закрыты, лоб закрыт... и в угол забилась... А как к двери пошла, так я и понял – точно, она!

– Маша?! Так что ж ты стоишь, беги, останови ее! Верни сюда!

Тимошка выскочил и понесся по всему постоялому двору. Вернулся он нескоро.

- Ну? – спросил Андрей. – Где она?
- Барин добрый...
- Упустил?
- Упустишь, когда кулаком в глаз... – жалобно сказал Тимошка. – Я к ней, а он меня...

Потом убежали...

- А кулаком-то – кто?
- Да верзила... Тот детина, что с ними в обители был...

Еремей, явившись, подтвердил: левый Тимошкин глаз обратился в черное пятно.

– Пятьсот рублей выручил, – сообщил дядька. – Как раз на тот домишко хватит – за него со службами просят сто двадцать. Тут и впрямь опасно оставаться. Не нравится мне, что госпожу Беклешову сюда привели и за нее нашему дурню в глаз брызнули.

– И мне тоже не нравится, – согласился Андрей. – Ну, веди сюда Моисеева. Хорошо бы так исхитриться, чтобы сейчас вместе с ним уехать туда, к огороднику.

* * *

Дом огородника стоял на отшибе – крепкое строение, которое при желании можно было сделать сносным жилищем. Огород, кормилец семейства, лежал под снегом. Рассказывая про свое житье-бытье, огородник сказал, что нанимает в деревне баб и девок, так что, ежели потребуются женские руки, то стоит только сказать: Демьян Прибытков-де послал, как тут же работницы отзовутся.

Все дела, связанные с подписанием бумаг, решили совершить потом, главное – каждая из сторон быстро и без лишних приключений получила желаемое. Пока ограничились распиской огородника в получении ста двадцати рублей.

Первую ночь ночевали с семьей огородника. Следующий день был суматошный – огородник с семьей собирался в дорогу. Андрея, чтобы не обременять его шумом и перебранками, одели потеплее и вывели во двор. Там сынишка огородника познакомил его с дворовым кобелем, который по договору оставался служить новым хозяевам. Кобеля звали Полканом, был он черен и кудлат. Еремей предложил перекрестить его в Шайтана, питомец охотно согласился. Остались в доме также кошка-мышеловка и, естественно, мыши.

К вечеру все уладилось – наняли деревенскую бабу, чтобы приходила стряпать и убираться, с ней же уговорились насчет яиц, молока и творога. Другая баба обещалась приносить свежее испеченный хлеб. Огородник оставил небольшой запас круп и сала, дров в поленнице должно было хватить до весны.

Оставшись единовластным хозяином домишка, Андрей наутро велел дядьке сделать полную ревизию содержимому сундуков. Соломина интересовали пистолеты. Их оказалось семнадцать штук.

- Хоть на шведскую войну роту вооружай, – пошутил Еремей.

Война со шведами началась еще летом, и, к счастью, сперва главные баталии происходили на воде. Русский флот одержал победу при Гогланде, потом запер шведский флот в Свеаборге. Но сражения на суше еще только предстояли.

С самого начала войны желание послужить Отечеству было так велико, что люди самого разного звания записывались в армию волонтерами. Однако ожидаемое наступление шведской пятидесятитысячной армии на Санкт-Петербург не состоялось. Двадцатитысячная армия под командованием генерал-аншефа Мусина-Пушкина ждала неприятеля у Выборга, но шведы, перейдя границу, всего лишь осадили крепостцу Нейшлот, да и ту взять не смогли, только разграбили окрестные деревни. Осада Нейшлота прославилась острым словом коменданта, однорукого майора Кузьмина, под чьим началом было всего-то двести тридцать чело-

век. На предложение открыть ворота он отвечал: «Не могу, у меня всего одна рука, да и в той держу шпагу».

Потом шведы дошли до другой крепости, Фридрихсгама. Там положение стало еще забавнее – крепость была древняя, один земляной вал, да и тот кое-где обвалился, а на том валу – пушки, захваченные в прошлую войну. Постояв под прицелом этих пушек два дня, шведы отступили – начался бунт входящих в шведскую армию финских полков. Финны решительно не понимали, на что королю Густаву III сдалась эта война, в которую он ввязался без согласия риксдага.

Такое выдалось в 1788 году военное лето. Осенью положение переменялось – в войну со Швецией вступила Дания, у которой был с Россией заключен оборонительный союз. По условиям договора, Дания должна была в случае нападения Швеции на Россию предоставить суда и сухопутные силы. Но лучше бы датский король Кристиан отговорился чем угодно, потому что его запоздалое вмешательство ни к чему хорошему не привело. Датчане заняли несколько шведских городов, обложили их контрибуцией, осадили Гетеборг.

Это не понравилось двум странам, чей политический вес был куда как больше, чем у Швеции. Англия и Пруссия потребовали немедленного прекращения военных действий, угрожая в противном случае нападением на Данию. Тогда датское правительство поспешило заключить перемирие со Швецией. К тому времени шведский народ возмутился не на шутку и тоже кинулся записываться в ополчение. Как раз когда Андрей приобретал себе странную недвижимость под Санкт-Петербургом, должен был собраться в Стокгольме риксдаг, на котором шведский Густав хотел добиться принятия законов, дающих ему чуть ли не самодержавную власть. Значит, весной ожидалась большая война и на суше.

Когда дядька заговорил о шведской войне, Андрей ответил:

– У нас тут своя война будет. Нужно раздобыть пороха фунтов хоть десяток.

– Где ж я тебе в деревне столько возьму? – удивился тот.

– Где знаешь. И добудь из сундука все свое хозяйство – пулелейки, свинец, щипцы. Пуль понадобится не менее двух сотен... – Андрей задумался и завершил: – Для начала.

– Ты с кем, баринок мой разлюбезный, собрался воевать?

– С Фофаней. Расскажи-ка мне, Еремей Павлович, какая тут местность, куда простираются огороды, далеко ли лес и проезжая дорога. Ты даже можешь все добро из несессера по столу разложить, пусть ножницы будут дорогой, мыло – нашим домом, банка с пудрой – деревней...

– Сейчас!

Скоро дядька изобразил на столе пейзаж, а Андрей его ощупал.

– Значит, тут, – Андрей показал пальцем, – плотники, что придут чинить конюшню, пусть заодно смастерят сарай.

– На что сарай в таком месте?

– Увидишь. Узнай, где можно добыть доски. Сойдут и трухлявые.

– А чем крыть?

– Обойдется без крыши. Четыре стены и дверной проем, этого довольно.

Еремей посмотрел на питомца с великим подозрением. Питомец правильно понял его молчание.

– Ты еще не усек, Еремей Павлович, что мы объявили подлецам войну? – спросил он. – Я должен уметь защитить себя в любом положении – даже если вас с Тимошкой рядом не случится.

Спорить было бесполезно. Оставалось только выполнять приказания.

* * *

Пулелеек было две пары. Работа продвигалась неспешно. Еремей, распустив в тигле полфунта свинца, старательно заливал его в пулелейку через малое отверстие, потом ждал, чтобы шарик остыл, и откусывал торчащее горлышко. Горка пуль на тарелке росла. Андрей меж тем учился на ошупь заряжать пистолет и вслепую сворачивать тугой пыж. Одновременно он беседовал с Фофаней.

Фофаня, связанный присягой, был уныл и сперва отвечал односложно. При этом он косился на образ преподобного Феофана Исповедника, который Андрей распорядился укрепить на видном месте. Вопросы были о его ремесле. И он, естественно, пытался выглядеть чистым агнцем, которого понуждали красть зверские обстоятельства.

Андрей не испытывал к вору горячей любви. Но он хорошо помнил незнакомку и то, что она говорила о грязном эфесе.

– Послушай-ка, брат Фофаня, – сказал он. – Вот теперь речь не о тебе пойдет, так что кончай скулить и хныкать. Ты ведь знаешь, поди, всю вашу воровскую братию. Скажи – нет ли среди твоих товарищей таких промыслителей, что письма у дам с кавалерами воруют?

– На что? – удивился Фофаня.

– Скажем, девица до свадьбы кавалеру писала неосторожно. А замуж за другого собралась. Так ей говорят: выкупи письма за тысячу или за полторы, чтобы брак не разладился. Понял?

– Понял... Выгодное дельце... Или мужняя жена...

– Или жена. Ты мне тут, в деревне, сейчас не нужен. Я дам тебе денег и отпущу в столицу. А ты поспрашивай у своих. Может, чего разведаешь.

– Нет, ваша милость, никто мне так просто ничего не скажет. А вот коли у меня были бы письма на продажу...

– Понял! Постой-ка...

Мысль, которая осенила Андрея, была отнюдь не ангельской, ибо ангелы не мстят. Но чем более он думал – тем яснее становилось, что другой возможности нет: впутывать ни в чем не повинного человека в интригу с краденными письмами он не желал, а человека виноватого на примете давно уж имел. Опять же, давать Фофане письма персоны выдуманной бессмысленно – на такой товар уж точно не будет купца...

Еремей глядел на питомца с тревогой – он понимал, что в голове у того уже имеется хитромудрое сооружение, а сейчас к сооружению пристраивается еще что-то опасное.

– Ты скажи, будто письма графини Венецкой продать желаешь, ищешь, кто бы взял за хорошие деньги.

– А в письмах что?

– Ну, что может быть в дамских письмах? – Андрей задумался. – Черт их знает, что они любовникам пишут... Придумать надобно.

– Эка удивили! – Фофаня бесстыже расхохотался. – Про графининых любовников всем известно. Старый граф на эти шашни уж рукой махнул – не рождает от них, ну и на том благодарствуем... По-модному живут, щегольски. То-то Бог накажет! – прозвучало это весьма грозно.

У Фофани были свои сложные отношения с Господом – возможно, он даже имел в голове некую таблицу, по коей кража менее рубля оценивалась в десять земных поклонов, до двух рублей – в пятнадцать и так далее. А чтобы искупить приобретение экипажа ценой в тридцать тысяч рублей и любовников, в нем разъезжающих, Фофаня, пожалуй, назначил бы графине Венецкой вечное сухоядение и пятьдесят тысяч земных поклонов, злорадствуя, что за всю оставшуюся жизнь она с ними не управится.

– погоди! придумал! – воскликнул Андрей. – Но тут требуется узнать, когда она с графом венчалась. Узнай, Фофания. И тогда предлагай письма, которые она писала о младенце, рожденном ею до брака. Вот это, пожалуй, будет справедливо.

Очень не хотелось братья за грязный эфес. Но иного способа поквитаться за Гришу и Акинышина Андрей не видел. Сперва следовало найти истинного врага.

– А не я ли тот младенец? – вдруг спросил Фофания и прищурился. – Я-то подкидыш. Может, впрямь графского рода? То-то меня все к золоту и алмазам тянет, наглядеться не могу.

– Тому дитяти лет чуток побольше, чем Машиному жениху. Двадцать три, двадцать четыре... Нет, Фофания, хоть тебя и не вижу, а по голосу тебе все сорок. Дядя Еремей!

Дядька очень удивился, услышав просьбу: определить на глазок, сколько Фофане лет.

– Да что я, в зубы ему смотреть буду, как мерину?!

– Ну и посмотришь! – прикрикнул на него Андрей. – Ну? Фофания, отворяй рот!

– Восемьдесят, – заглянув, четко доложил Еремей.

– Да ты что? – завопил Фофания. – Какое восемьдесят? Ты, старый черт, чего на меня поклеп возводишь?

– Зубов у тебя почитай что нет. Добрые люди позаботились? – ехидно спросил Еремей.

– Сейчас и ты последних лишишься!

– Будет вам! – властно сказал Андрей. – Не вышло из тебя купидона. Так вот – ступай к своим товарищам и объяви, что у тебя есть письма на продажу.

– Спросят, отколе письма взялись, а я? – задал разумный вопрос Фофания.

– Скажешь – унес-де шкатулку или укладку, а там двойное дно, и письма лежали... Спросят, как догадался, что письма графинины? Так, шкатулку ты унес у отставного офицера, о котором шла молва, что в молодые годы был графининым любовником, и сам он этим похвалялся. А поскольку никто уже не вспомнит, с кем она путалась четверть века назад, смело называй его Ивановым или Петровым... Повтори, что я сказал.

– Письма, – ответил Фофания, – которые графиня Венецкая отцу своего дитяти пишет. Спрашивает, к доброй ли кормилице определили да каково растет. И каким именем окрестили. И еще – сколько денег на содержание посылает.

– Царь небесный... – прошептал Еремей. Он подозревал в воре сочинительские дарования, но не столь стремительные.

– Ого! Да у тебя талант! – обрадовался Андрей. – Ты комедии писать не пробовал?

– Так я их и видел-то всего-то раза два, да в галерее ничего разобрать не мог. Внизу публика так шумела – я через три слова четвертое слышал.

– Справишься с поручением – куплю тебе билет в партер, – пообещал Андрей. – Принарядим тебя, букли загнем – и пойдешь, как приличный кавалер.

– Кавалер-то кавалер – а на что я похож?! – трагически спросил Фофания. – Хуже нищего на паперти!

– Дай ему, дяденька, два рубля на все про все, – велел Андрей. – Пропьет – ему же хуже. Купи, Фофания, валяные сапоги, шапчонку, тулупчик старый. Тимоша доведет тебя до Сенного рынка, а там, я знаю, как раз ношеное краденое недорого купить можно. Трех дней тебе на все хватит?

– Может, и хватит.

– Ну так собирайся в дорогу. Кроме розыска покупателя, загляни в Измайловский полк – поищи Афанасия, денщика покойного господина Акинышина. Коли найдешь – условься с ним, чтобы сюда с тобой приехал. Да знай – преподобный Феофан тебя с небес повсюду углядит.

* * *

Сарай без крыши поставили по указаниям Андрея в таком месте, что никто бы не подобрался незаметно. Пока с ним возились – стемнело и вернулся с Сенного рынка и Тимошка. Он привез провиант. Про Фофаню рассказал, что тот у рынка выскочил из возка и сгинул.

– Ох, обманет, – проворчал Еремей.

– Сие было бы некстати, – отвечал занятый пистолетами питомец.

Внутри сарая по стенам Тимошка натянул веревки, наподобие сети, и повесил всякую дребедень – пустые бутылки, железки, старые пуговицы. Человек посторонний, увидев убранство сарая, решил бы, что пора запирать хозяина в бешеный дом. Посередке поставили стол – доски на козлах, на стол положили заряженные пистолеты. Некоторое время потратили на то, чтобы заставить веревочную механику работать безупречно.

Наконец Андрей взялся за дело. Он стоял у стола с пистолетами, а под столом сидел Тимошка, заведующий веревочными концами. Тимошка дергал их поочередно, и то на одной, то на другой стене, то вверх, то вниз звякало либо стучало. Андрей, схватив пистолет, резко поворачивался и палил на звук.

Сперва успехи были весьма скромные – если не считать достижением, что за три часа Андрей сделал девяносто выстрелов и перемазался в пороховой копоти хуже арапа. Еремей, придя убедиться, что питомец не оглох, с некоторым злорадством доложил, что этак весь свинец пропадет за три-четыре дня. Мол, если отлить пули из десяти фунтов свинца, расстрелять их, потом собрать и расплавить заново, то непонятным образом свинца окажется примерно девять фунтов.

– Что же делать? – спросил Андрей. – Пуль-то мне много надобно...

– Блажь это, – проворчал дядька.

– Не блажь. Добьюсь того, что стану попадать с десяти шагов в игральную карту.

– На все воля Божья, – не желая ссориться, сказал Еремей. С одной стороны, он радовался, что питомец не сидит окаменевший, а разговаривает и хоть каким-то делом занимается, а с другой – предвидел немалые хлопоты и опасности.

Он ушел из сарая, провожаемый громом новых выстрелов. Сидя у печки и возясь с пулями, дядька вспомнил диковинное предание – правда или нет, не ведал и сам рассказчик. Вроде бы при царе Петре солдаты, не имея достаточно боеприпаса, наловчились делать глиняные пули и обжигать их в кострах. В конце концов, пули нужны были Андрею не для смертоубийства, а обжечь их можно и в печке.

Еремей уговорился с мальчишками, дал двадцать копеек, и на следующий день те привезли на санках гору мерзлой глины. По их рожицам было понятно: взрослые объяснили им, что барин, купивший дом огородника, спятил. Сколько-то времени ушло на пробы, на изготовление форм, и через два дня, когда свинец действительно оказался на исходе, поскольку не все пули удавалось отыскать, Еремей предложил питомцу первую горсть обожженных глиняных пуль.

– Пропадут, так не жалко, – сказал он. – Да и вряд ли прошибут доску.

– Другой бы беды не случилось. Свинец – мягкий, пистолетному дулу не вредит, а эти ствол изнутри царапать будут. Хотя – ну их к черту, эти турецкие пистолеты. Мы потом аглицкие купим, а их продадим. Таких красавцев всякий дурак возьмет, они же чуть не алмазами усыпаны...

– И то верно, – согласился Еремей. – Эти для учебы пригодятся. А потом вертопрахам – на стенку вешать.

В Англии недавно стали изготавливать пистолеты, предназначенные для поединков, потому что чудаки-англичане ввели в моду огнестрельную дуэль. Это оружие имело, кроме

прочих, три внешние приметы: во-первых, оно почти не украшалось, а во-вторых, его окрашивали в синий цвет. Считалось, что синий не дает отблесков, а как было на самом деле – русские знатоки еще не разобрались. В-третьих – оружейники рассчитали такой угол меж стволом и рукоятью, при котором пистолет был как бы естественным продолжением руки. Так что оружие имело непривычные взору очертания, а стволы были достаточно длинные, иные до семи вершков, и легки. Английский пистолет стоил не меньше инкрустированного турецкого, потому что изготавливался с ювелирной точностью – с идеально отшлифованным изнутри стволом, с безупречно пригнанными деталями. И – красивая шалость чудаков-англичан! – полка и запальный канал покрывались золотом во избежание ржавчины.

Андрей упрямо оттачивал умение стрелять на звук, хотя плохо обоженные пули, бывало, крошились прямо в стволе. Смысл жизни был найден – каждый день торчать в холодном сарае и палить навскидку, добиваясь того состояния души и тела, когда мысль отсутствует вовсе, а слух и рука оказываются связаны меж собой загадочными узами.

Кроме того, он додумался учить стрельбе Тимошку. Парень до той поры пистолеты видел только в барских руках и не знал, какая такая бывает отдача. Но дело у него пошло.

За время этих занятий дважды появлялся Фофаня. В первый раз он доложил, что про покупателя семейных тайн никто из знакомцев не знает. Во второй – что нашелся некий человек, который, сказывали, для кого-то ищет этот сомнительный товар, а Афанасий пропал неведомо куда. Кроме того, Фофаня, как приказывали, побывал у доктора Граве, и тот велел звать своего диковинного пациента – приехал-де к нему швейцарец, большой знаток по глазной части.

– Делаем передышку, пока ты совсем не оглох, баринок разлюбезный, – сказал Еремей и затеял баню.

В парной дядьку охватила острая жалость: сам Еремей был мужчина крепкий, осанистый и полагал себя, даже в свои годы, соблазнительным красавцем, а питомец рядом с ним гляделся худощавым подростком. Теперь, раздевшись, тот был как-то особенно жалок. Тощий, слепой, и голова полна завиральных идей...

* * *

Утром поехали к Граве.

Швейцарский врач господин Берже остановился у Граве. Был он из семейства тех французских гугенотов, которые покинули отечество после отмены Нантского эдикта³. Берже одинаково бойко говорил и по-французски, и по-немецки, хотя его немецкий отличался от того наречия, которым пользовался Граве, и был вызван, чтобы за хорошие деньги принять участие в двух консилиумах. Заодно он желал разведать, каковы условия в Санкт-Петербурге, – может статься, здесь не только ездят по улицам на медведях, но и зарабатывают хорошие деньги. Он состоял в переписке с Граве, и потому они считали друг друга добрыми приятелями.

Когда Габриэль Берже приехал в Санкт-Петербург и увидел Иеронима-Амедея Граве, оба невольно расхохотались и вспомнили испанский роман о Дон Кихоте: Граве был высок, худ, с вытянутым лицом, а Берже не доставал ему до плеча и имел почтенное брюшко. Но, при круглой ласковой физиономии, при румяных щечках, швейцарец обладал хваткой английского бульдога: когда начинал терзать пациента вопросами, то раскапывал всю его подноготную, включая пикантные подробности. Он считался хорошим физиогномистом – мог ставить диагноз, внимательно изучив лицо пациента, состояние кожи, оттенок глазного белка и прочие тонкости.

³ Нантский эдикт – закон, даровавший в 1598 г. французским протестантам-гугенотам вероисповедные права.

Андрея ввели в кабинет, и Берже, уже знакомый с его случаем по письму Граве, потребовал позвать Еремея. Дядька был подвергнут допросу, переводить на немецкий попросили Андрея. Еремей, запуганный докторами, рассказал такое, что питомец покраснел, – до того дня дядька скрывал от него правду. Соломин слушал и понимал, что дядька поступил правильно: рассказав раньше времени все подробности, он только вверх бы питомца в тоску. А не зная их, Андрей довольно скоро, как он теперь понял, встал на ноги.

Посоветовавшись, доктора опять стали обследовать пациента. Андрей оказался не совсем слеп – это обнадеживало. Если бы, находясь в совершенно темной комнате, он встал лицом к окну и это окно внезапно распахнулось в солнечный летний полдень, то он бы разглядел пятно, по форме схожее с прямоугольником.

Во время обследования вошел слуга Граве, Эрнест, поманил хозяина в сторонку, они посоветовались, и Эрнест вышел.

– Зрение вернется, – решил швейцарец, – но этому молодому человеку нужно побольше лежать. Я бы объяснил это так – сравнил глаз с растением, имеющим корни, коими оно принимает к питательной почве мозга. Когда корни оборваны – нужно дать им возможность вырасти заново.

Получив деньги за визит, доктора любезно продолжили беседу, и опять вмешался Эрнест – чего-то ему нужно было от Граве. Тот вышел с ним в другую комнату, где пробыл около минуты. Потом оба вернулись, Эрнест поспешно ушел, а Граве еще прочитал Еремею целое поучение о том, как холить и беречь барина. Андрей переводил поучение на русский язык, выбрасывая явно невозможные советы, как-то: не давать барину беспокоиться...

Затем они заговорили о хворобе господина Куликова, причем Граве толковал об ужасах его слепоты даже с восторгом – случай и впрямь был заковыристый. Одним из двух консилиумов, на который призвали Берже, как раз и должен был состояться в доме господина Куликова. Швейцарец спросил, не слишком ли далеко тот дом и возможно ли туда добраться менее чем за месяц. Он явно был наслышан о сибирских просторах.

– Господин Куликов снимает квартиру в столице, в Миллионной улице, – ответил Граве, – но больше живет в усадьбе, почти что на морском берегу, где-то не доезжая Стрельны. Усадьба, как он сказывал, невелика, но мой пациент, получивши знатное наследство, строит себе неподалеку целый дворец. Уже третий год строит – он, разбогатев, сразу ко мне адресовался, потому и знаю.

Андрей насупился – туда, к Стрельне, ездил он с Катенькой – гулять на берегу, целоваться под соснами...

Выйдя на улицу, Еремей обнаружил, что коней сторожит незнакомый парнишка.

– Ваш возок, дядя? – спросил парнишка. – Велено сказать, чтобы ждали.

– Куда ж кучер подевался?

– Побежал за угол, а мне дал копейку на пироги, чтобы я возок сторожил.

Человек может побежать за угол по самой естественной причине, поэтому Еремей, усадив питомца в возок, отпустил парнишку и встал, придерживая вороного Шварца под уздцы. Ждал он с четверть часа и забеспокоился – что могло стрястись с Тимошкой?

Кучер вернулся с таким видом, будто за ним гнался сам нечистый:

– Упустил...

– Кого упустил?

– Да сам не знаю, кого! Я у него пашпорта не спрашивал! – и Тимошка, нарушая всякую субординацию, полез к барину в возок, однако не весь, а только верхней половиной тулова. – Барин добрый, помните ли – вы со мной записочку господину Акинышину посылали? Царствие ему небесное! Ту, что я не отдал?

– Было такое.

– А не отдал – потому, покойника дома не случилось, оставлять побоялся, там какие-то молодцы за его домом следили, в окошки заглядывали.

– И что?

– Я одного тут только что повстречал!

Тимошка, ожидая барина, не дремал на передке возка, а глазел по сторонам. Если бы он сказал правду, то правда была бы такова: он залюбовался высокой статной барыней, что зашла в дом, где жил доктор Граве. Поэтому и заметил, как вслед за дамой проскочил человек в коротком тулупчике и в шапке горшком, какие носят финские мужики. Потом этот человек вышел, а вслед за ним – некий господин в ночном колпаке и в фартуке. Они быстро обменялись словами, и господин вернулся в дом, а человек в тулупчике перебежал на другую сторону улицы.

Наблюдая за его маневрами, Тимошка сообразил, где видел это лицо: в Измайловском полку, в пятой мушкетерской роте, у акиньшинского дома. Кучер думал, как бы сообщить о встрече своему барину, но ничего не мог придумать. Тем временем господин в фартуке снова выскочил. Тот, в тулупчике, подошел и после краткой беседы получил небольшой пакет. Затем господин в фартуке быстро вернулся в дом, а детина в тулупчике пошел прочь.

Тимошка понял, что выбора у него нет. Как раз мимо шел парнишка, таща за собой санки с дровами. Тимошка дал ему копейку, велел держать коней и побежал за детиной, но благополучно его упустил.

– Но что за господин в фартуке? Уж не тот ли старый черт, что служит доктору? Он же в колпаке ходит! – догадался дядька.

– Стало быть, между врагом нашим и доктором Граве есть некая связь? – Андрей задумался. – Я вижу в этом логику. Доктор бывает в разных семействах и знает многие тайны. Что мешает ему продавать эти тайны за хорошие деньги? А тогда наш мусью Аноним, зная, где искать, непременно найдет доказательства – или сам их изготовит. Деньги... было бы их чуть поболее... Да и нас так мало... Граве...

– Сразу он мне не понравился. Одна слава, что хороший доктор, – заявил Еремей.

– Может, и так... – Андрей вспомнил, как ему советовала обратиться к Граве незнакомка в мужском наряде, сопровождавшая Машу Беклешову.

Протянулась ниточка между злостью Маше и доктором. Что она означала, какие чудеса вылезут, ежели за нее потянуть, – Андрей не понимал.

– Куда прикажете везти? – жалобно спросил Тимошка.

– В полк, – подумав, сказал Андрей. – Поищем следов Афанасия. Нас так мало, так мало...

Да, сам себе возразил он, нас мало, но у нас есть преимущество: мусью Аноним и в страшном сне бы не увидел, что ему объявил войну слепой человек, имеющий троих подчиненных: старого дядьку, молодого кучера и незадачливого вора.

Трое – и тот, кто направляет их. Им нужно найти ту невесту, которую хотел запугать мусью Аноним; им нужно выследить мусью Анонима через фальшивые письма графини Венецкой; им нужно установить слежку за подозрительным доктором Граве; им нужно восстановить Машину репутацию! С одной стороны – невозможно, с другой – в человеческих силах.

* * *

Не доезжая слободы Измайловского полка, Еремей покинул возок, велел ждать его в укромном переулке, уткнувшемся в Фонтанку, и пошел на разведку.

У него было множество старых приятелей, таких же дядек, ушедших на службу с питомцами, освоивших ремесло денщика, и в Троицкой церкви его знали все псаломщики, дяконы и даже просвирни. Идя от одного к другому, Еремей набрел на человека, рассказавшего, что после смерти Акиньшина видел Афанасия с одноглазым мужиком у Гостиного двора,

и мужик был явно из гостинодворских – стоял на углу с Афанасием в длинном русском кафтане и с непокрытой головой, как будто выскочил на минутку.

Поехали к Гостиному двору, Еремей снова оставил барина в возке и пустился расспрашивать сидельцев в лавках. Прошел он вдоль всей Суконной линии, свернул в Большую Суровскую и ее прошагал, задавая вопросы купцам с сидельцами, но лишь в Малой Суровской набрел на одноглазого мужика, втаскивавшего в лавку корзину с крымским вином.

Едва услышав имя Афанасия, мужик поставил корзину, поманил за собой Еремея, втолкнул его в каморку за лавкой, уставленную пыльными мешками, неожиданно повалил и сел ему на грудь с удивительной ловкостью. В горло Еремею уткнулся нож.

– Говори живо, на что тебе Афанасий? – спросил одноглазый. – Пикнешь – тут тебе и карачун.

Еремей, не привыкший к такому обхождению, онемел.

– Ну? Иль ты говорить разучился? Кто ты таков? Кто тебя за Афанасием послал? Дедка? Ну? Точно – Дедка. А шиш ему! Коли помнишь какую молитовку – молись, сволочь.

Еремей открыл было рот – и в рот тут же въехала грязная меховая рукавица. Одноглазый дважды свистнул.

Оказалось, в недрах Гостиного двора имеется целое царство, над которым власть государыни не распространяется. Выскочил из-за мешков человек, вдвоем вздернули Еремея на ноги, накинули мешок на голову. И потащили, пропихивая между штабелями каких-то загадочных товаров, по узким ущельям, и еще под зад коленом поддавали.

Еремей ничего не понимал и сперва влекся, куда гнали, а потом на него злоба напала. Он, крепкий мужик, в теле, хорошо выкормленный, испугался непонятно кого. Ножа у горла более не было, а кабы и был – неужто Еремей так не сожмет злодею руку, что кровь из-под ногтей брызнет?

Он резко развернулся и ударил незнамо куда. Человек, пихавший Еремея сзади, уклонился, и кулак попал в мешок, крайний в ряду второго яруса. Мешок слетел со своего места, Еремеев кулак потащил хозяина за собой, и Еремей, споткнувшись, оперся о мешочную стену. Тут-то и началось...

Полминуты спустя под мягкими мешками с курагой, черносливом и прочим южным добром барахтались все трое: Еремей, одноглазый мужик и его помощник. Барахтались они молча – и это Еремея обнадежило: стало быть, кого-то эти налетчики тут боятся, коли голоса не подают! Слышался лишь кое-как сдерживаемый чих.

Наконец Еремей избавился от надетого на голову грязного мешка и обнаружил себя в полных потемках. Куда ползти – он не понимал, двинулся наугад, уперся в стенку. Это было уже кое-что – перемещаясь вдоль стенки, можно найти хоть какую дверь.

Сразу ему этот маневр не удался – пустого пространства стены было ровно на аршин, а потом до потолка воздвигались ящики. А падающий на голову ящик гораздо хуже мешка, и Еремей замер, а потом крошечными шажками, ощупывая ящичную стену, стал передвигаться неведомо куда.

И тут его злодеи заговорили:

– Гаврила, он тут где-то, уйти не мог, – сказал незримый одноглазый мужик.

– Может, башкой треснулся и без памяти лежит? – предположил Гаврила. – Вот что, брат Анисим, надобно Афоньку предупредить, что до него эти сукины сыны и тут добрались. И как ухитрились?

– Нишкни!

– Эй, люди добрые, – заговорил Еремей. – Не нужен мне ваш Афоня! Вы только скажите ему, что его капитан Соломин ищет! И все тут! Одно это!

– Будет брехать-то, – отозвался одноглазый Анисим. – Нет никакого капитана Соломина.

– Ан есть! Ты одно это Афанасию Петровичу скажи! Это одно!

- Враки и брехня.
- А посылал за ним Соломин своего Еремея!
- Чужим именем назваться легко!

Этот безнадежный разговор продолжался еще несколько минут – но одного Еремей все же добился: ему сказали, куда поворачивать, чтобы вновь оказаться в лавке Малой Суровской линии.

Идти было невозможно, он не видел в потемках, как ставить ноги меж обрушенных мешков. Но, то молясь, то ругаясь, как-то выполз. Что докладывать питомцу – он не знал. Вроде и есть тут где-то Афанасий, а как на деле – так нету. Сильно удрученный, Еремей пошел к возку.

– Крепко же его напугали, – сказал, услышав про дядькино похождение, Андрей. – Но хорошо, что он из столицы не удрал. Вот что – постой-ка тут на видном месте, у возка. Пусть разглядят хорошенько и Афанасию тебя словесно изобразят.

- Постоять-то нетрудно, баринок разлюбезный...
- Сбитенщика подзови. Я бы горячего выпил.

Андрейпил крепкий сбитень, в который явно переложили перца, и слушал Невский проспект.

– Вя-а-а-а!.. – донеслось издалека. Это припозднившийся мясник-разносчик где-то чуть ли не на Садовой выкликал: «Говя-а-а-а-а!»

- Сельди голански!
- Голубушка моя! Сестрица!
- Тетерябчики!
- Кум, кум, стой, кум!
- ... а я ей говорю – дура ты, дурища...
- Пади-пади! – это пронеслись богатые санки с голосистым кучером.
- Пирожки горячие! С пылу горячие!
- Ги-и-и-и-и-и-и! – опять санки, не иначе – запряженные знатным рысаком, и сидит в них

молоденький гвардеец, собирает восхищенные взгляды мещаночек.

Мимо пролетали голоса, звонкие женские, басовитые мужские, выхваляли свой немудреный товар разносчики, вдруг завопила баба – у нее вытащили из укромного места кошель, захохотали мальчишки. Звучал мир недоступный и прекрасный, веселый и безалаберный, мир в предвкушении Масленицы.

* * *

Четверть часа спустя к Еремею подбежал мальчик – из тех, кого держат при лавках для исполнения мелких поручений.

– Ты, что ли, дядька Еремей? – спросил он. – Тебе сказано барина своего отвести в меховую лавку Порошина, во-он туда, там спросишь. Полушку-то дай за известие!

– Дай ему, – велел Андрей. – И води меня в меховую лавку. Может, там хоть что-то прояснится.

Сиделец в порошинской лавке был предупрежден. Велев Еремею стоять у входа, высматривать подозрительные рожи, а двум молодцам, служившим в лавке, всех отгонять, он повел Андрея в заднюю комнату, где на вешалах висели всевозможные сибирские меха.

– Батюшка мой, Андрей Ильич! – услышал Андрей. – Слава Богу! Уж не ведал, где вашу милость искать! А меня тут добрые люди приютили, я им помогаю, мне за то ночлег дают и кормят. Я сам себе сказал: мне-то что, я старенек, и коли меня на тот свет отправят – может, и лучше, чтобы десять лет не хворать. Да как помирать, коли я господину Соломину секрет не передал?

– Афанасий, голубчик мой! – перебивая его, заговорил Андрей. – Как хорошо, что ты нашел, где спрятаться! Теперь ничего не бойся – я тебя с собой заберу!

– Да с вашей милостью – на край света! – отвечал Афанасий. – Барина моего нет, кому я нужен? А мне бы к дому прибиться...

– Что ж ты к господам Коростелевым не пошел?

– А то и не пошел – там-то бы меня сразу изловили. А тут кум мой, Анисим, к купцу Арутюнову нанялся и меня спрятал. Я бы тут и жил, купецкое добро сторожил, да холодно – в Гостином дворе печи ставить и огонь разводить не велено. Тут ведь все – из камня да из железа, чтобы пожар не повредил. Смолоду я бы надел тулуп да и ходил у лавок, а стар стал, зябну, и ноги – как лед...

– Так ты скажи куму, что я тебя заберу. А то он, вишь, моего Еремея чуть на тот свет не спровадил, – сказал Андрей.

– За меня боялся. И он, и Гаврила, племянник его, и Кондрат, и Павлушка – все меня берегли.

– То бишь ты со всем Гостиным двором поладил? – спросил Андрей.

– Как не поладить? Ребята добрые!

– Это славно... – задумчиво произнес Андрей.

Он не просил у Бога: «Господи, пошли мне роту молодцов, на которых можно положиться». Он лишь говорил: «Господи, как же нас мало». И эти слова неожиданно стали осуществившейся молитвой.

– А знают ли они, эти добрые ребята, отчего ты должен скрываться?

Афанасий замялся.

– Садись в возок, – велел ему Андрей. – А ты, дяденька, к Тимошке. И прокатимся вокруг Гостиного закоулками.

В возке Афанасий признался: знал он больше, чем говорил ему Акиньшин, но сведения в голове беспорядочные, одно понятно – барин преследовал злодеев. И как-то это все увязано с тем жульем, что на Сенном рынке промышляет: тамошние мазурики крепко перепугали Афанасия, насилу ушел и более из Гостиного двора не показывался.

– И для вашей милости письмо оставлено, барин успел написать. А хранится у отца Данилы, в Казанском храме. И знак отцу Даниле – поклон от кумы Авдотьи. Тогда он спросит, мол, как ее младшенький? А в ответ уже можно про письмо.

– Хитро, – удивился Андрей. – Так едем, что ли, к Казанскому?

– Нет, батюшка мой, ты сперва меня выпусти, я ребятам растолкую, что покидаю их...

– Ты им другое растолкуй. Коли кто хочет мне послужить, я тому человеку рад и заплачу хорошо... Дядя Афанасий, а не трудится ли кто из твоих ребятков в оружейной лавке? Ведь есть такая в Гостином дворе?

– И не одна!

– Ну так ступай и скажи – есть-де на продажу турецкие дорогие пистолеты. И уговорись так, чтобы взяли сразу штук шесть. А главное – особо потолкуй с Анисимом... – Еремей так красочно описал разбойничьи ухватки одноглазого мужика, что его питомец решил: этакий детина при погоне за мусью Анонимом обязательно пригодится.

Афанасий мелкой старческой побежкой ринулся в Гостиный двор, обещав быть на этом самом месте через час.

Время было дневное – утренние службы давно окончились, до вечерней оставалось часа два, и вряд ли отец Данила смиренно сидел в храме, дожидаясь колокольного звона, зовущего на молитву.

– Доедем до Сенного рынка, – решил Андрей. – Вот уж что нам не помешает, так это мешок хорошего овса, а не той дряни, что продали в деревне.

На овес жаловался Тимошка. Зимой лучше было бы давать коням хотя бы по два фунта в день, но купленный оказался безобразен: с крысиным дерьмом пополам. Тимошка умел, пробоуя зерно на вкус, определить его недостатки. Отдает селедкой – плохо, подмешалась головня, и если лошадь много ее сжует, может заболеть. И медовый запах – плохой знак, и полынный, и сладкий вкус – хорошее овсяное зерно само по себе чуть горьковато. Деревенский овес был помороженный, крестьяне думали, что молодому кучеру можно и такой подсунуть, а то, что покупателя потеряют, им в голову не пришло.

Сенной рынок славился царством всякого жулья, мелкого и крупного. Даже построенная иждивением купца Саввы Яковлева большая каменная церковь Успения Пресвятой Богородицы, она же – Спас на Сенной, – кишмя кишела ворьем. Порядка на рынке было мало – крестьяне, привозившие сено, дрова и прочий немудреный товар, становились с возами как попало; случалось, за ночь вырастали какие-то сараи и шалаши; были и дома с лавками, окаймлявшие площадь. На особом месте били кнутом или плетью за воровство и мошенничество, это зрелище у местного люда почиталось за развлечение.

Оставив возок у церкви под присмотром Еремея, Тимошка отважно углубился в ряды. Еремей научил его держать деньги за щекой, и была надежда, что он притащит мешок порядочного овса.

Озирая окрестности, Еремей рассказывал питомцу, что любопытного видит, и вдруг замолчал.

– Что такое? – спросил Андрей.

– Фофания наш... вот только что был и сгинул...

Закрыв дверцу возка, Еремей полез на Тимошкино место и встал там, держась рукой за крышу. Потом соскочил и доложил:

– Он там с бабой.

– С Матреной Никитишной? – усмехнулся Андрей, запомнивший артистическое Фофанино вранье.

– Черт его душу ведаёт... Баба еще молодая, сорока не будет... – Еремей опять полез наверх, но очень скоро соскочил, – Баба-то – зверь! – весело доложил он. – Фофаньку-то нашего за ворот куда-то потащила! А он упирается!

– Черт, где Тимошка запропал?!

– Я погляжу сверху, куда раба Божия поволокли. Как только Тимошка будет с овсом – тут же побегу вызволять! – Еремей понял, что оставаться одному на таком бойком месте Андрей опасался.

Дальше все сложилось на редкость удачно. Еремей высмотрел, как Фофаню запихивают в возок и что бедный вор, попытавшись вывернуться, но получив хороший тычок под дых, поневоле покорился своей участи. Не успел Андрей приказать дядьке, чтобы все ж бежал на выручку, как появился Тимошка с мешком на плече.

– Так что ж? – спросил Тимошка. – Сейчас и вызволим! Садись, дядя Еремей, ко мне, показывай, куда этого грешника повезли?

Фофаню увозили по Садовой, прочь из города. Тимошка погнал коней следом. Тут-то и выявилось еще одно его умение, ведь готовили его в кучера большого экипажа, с запряжкой шестериком, и учили, как себя вести в особых обстоятельствах. К таким обстоятельствам относилась встреча на дороге с пьяным нахалом, имеющим такую же запряжку и придумавшим себе забаву: догнав карету незнакомцев, так пристроиться к ней впритирку, чтобы завалить набок и, отъехавши, посмеяться, глядя на вылезавших с большим трудом. Теорию опрокидывания, следовательно, Тимошка понимал, оставалось применить ее на практике.

Разогнавшийся возок резко принял влево, так что седок поехал по лавке. Тут же возок трянуло, раздались крики, свист. Минуты не прошло, как дверца распахнулась и сильная рука Еремея забросила в возок Фофаню.

– Ну, брат Фофаня, мне на роду написано за ворот тебя таскать, словно нашкодившего кота, – сказал он.

– Ахти мне, ахти... – бормотал вор. – Господь чудо сотворил!

– Это наш Тимоша чудо сотворил, – ответил Андрей, признав знакомый торопливый голосок. – Только у Господа и дел, что ради тебя, болвана, чудеса сочинять. Вот скажи мне, что это была за баба и чем ты ей не угодил?

– Так это ж сама Василиса! – с изумительным восторгом выкрикнул Фофаня. – Я за ней ходил, ходил, насилу встретиться смог!

– И на что тебе сдалась Василиса?

Тимошка гнал коней прочь от опрокинутого возка, все по той же Садовой, ища переулок, куда бы свернуть. И свернул щегольски, почти не замедлив хода, вылетев к деревянному Харламову мосту, и, чуть не сбросив с него на лед Екатерининской канавы встречные сани, понесся дальше. Остановился он чуть ли не в Коломне.

Все это время Андрей строго допрашивал Фофаню. Вор клялся и божился, что против присяги не пошел и даже мелкой шалости себе не позволил, был занят исключительно поиском покупателя на письма графини Венецкой. Наконец умные люди присоветовали искать Василису.

– А Василиса – Дедкина маруха, – объяснил Фофаня.

– Что за Дедка?

– Ох, это клевый маз.

Оказалось, что прозвище Дедка получил за странную особенность: у него борода с усами поседели прежде волос. Иногда, по необходимости, в зимнюю пору он отпускал бороду и в шапке мог быть принят за старика, особенно когда горбился, поднимая правое плечо выше левого. Обрившись и сменив домотканый армяк на епанчу, он глядел чуть ли не тридцатилетним кавалером. Сильная, мощная, крутобедрая Василиса состояла при нем не первый год и исполняла разнообразные поручения, а сам он оказывал услуги даже высокопоставленным господам.

– Дедка... – повторил Андрей. – А что, у него подручных много?

– Может, их всего-то пара, – отвечал Фофаня. – А как понадобятся Дедке полсотни, так назавтра к обеду полсотни и будут ждать приказания.

– Ты знаешь в лицо тех, кого он для своих шалостей нанимает?

– Кое-кого знаю, – и Фофаня стал рассказывать, как всего лишь намекнул Василисе на письма знатной особы, а она сразу подняла переполох.

Когда возок остановился, Андрей провел краткий военный совет – для обмена сведениями. Основательное совещание было впереди – в деревне.

– Расскажите-ка мне, куда мы заехали, и я, может, соображу, как отсюда к Гостиному выбираться, – сказал он Еремею и Тимошке.

– А чего соображать, я тут бывал, я выведу, – вызвался Фофаня и указал путь к Мойке.

Возок покатил вдоль набережной и вскоре выехал на Невский.

Афанасий на видном месте не стоял – стоял кривой Анисим. Еремей, сидевший рядом с Тимошкой, помахал ему, и гостинодворские молодцы быстро вывели Афанасия с его узлом.

– Ты прости, коли что не так, – сказал Еремею Анисим. – Как же иначе было, когда за кумом такую охоту устроили?

– Мы с барином потом еще приедем потолковать, – пообещал Еремей. – Дельце есть знатное...

– Ин приезжайте. У меня как гора с плеч – удалось кума сбыть с рук без порухи.

Места в возке совершенно не осталось – Андрей в большой шубе, да Фофаня, да Афанасий, да еще мешок с овсом. Но напрасно устраивались поудобнее – Андрей вспомнил про попа

Данилу и решил сам идти в Казанский собор – заодно и помолиться об исцелении, благо образ святого Пантелеймона-целителя есть во всяком храме.

– Да и Матушке Богородице Казанской свечку поставим, – добавил Еремей, помогая питомцу выйти из возка. – Фофаня, ты ведь знаешь, где там образ?

– Как не знать?! Тут же и возблагодарю! – с безумным восторгом в глазах сообщил Фофаня. – Это ж доподлинно чудо – что я, от неминуемой смерти избавясь, к самой Казанской могу на коленках припасть! И барину бы преклониться – Казанская от слепоты помогает!

Еремей понял, что богомольца придется выводить из собора силком, – слишком долго там оставаться нельзя, мало ли какие приятели Дедки и Василисы забредут туда по той же нужде возблагодарить и увидят беглеца?

* * *

Храм, где пребывала Богородица Казанская, был в столице главным, но званию своему уже не соответствовал – сильно обветшал. Поговаривали, что государыня хочет на этом месте строить новый собор и ищет архитекторов, способных возвести достойное здание, украшение Невского проспекта.

В соборе уже собирались богомольцы, и публика там была пестрая – знатные дамы в широчайших юбках и гостинодворцы, одетые на русский лад, сбитенщики в лаптях и толстых онучах – прямо со своими укутанными в войлок деревянными баклагами – и матросы, уже на самом пороге вытащившие изо ртов трубки, молочница-охтенка, заскочившая перед службой поставить свечку, оставив санки с кадушками на товарку, и будочник, сменившийся с караула.

Фофаня сразу повел Андрея к Казанской, рухнул перед ней в земном поклоне, но Соломин стоял недвижно. Он собирался с силами для молитвы, ощущая неловкость: зрение требовалось не само по себе, а для свершения мести, мстительность же в число христианских добродетелей не входила; впору было позавидовать туркам, для которых совершение справедливости своими руками было делом и обычным, и похвальным.

Андрей прочитал вполголоса «Богородице Дево, радуйся» и «Достойно есть», это было вроде приветствия образу, но дальше дело не пошло. Каноническое общение с Богоматерью ему не давалось, и он заговорил своими словами:

– Сама видишь, что творится, Матушка, – так сказал Андрей беззвучно. – Злодеи погубили бедную Машу, из-за них Гриша умер – коли не врут Венецкий с Еремеем, будто он сам на шпагу налетел... Друг мой истинный, раб Божий Николай Акиншин, ножом заколот – ими же. И вот я, Матушка, хочу... хочу... ну да, проучить... Посчитаться и за Гришу, и за Акиншина, и еще за многих, кого они стубили. Я, немощный, – да сказано же: «Ибо сила Моя совершается в немощи!» Сделай так, Матушка, чтобы это про меня было сказано! Чтобы Божья сила в моей немощи совершилась!

Молитва получилась какая-то грешная, зато от чистого сердца. И стоило Соломину беззвучно произнести эти слова, как его весомо пихнули в бок – другие прорывались к чудотворному образу, и уже сцепился спорить с таким же яростным незримым молитвенником Фофаня, и уже шипели какие-то старухи, призывая к порядку в храме Божиим.

– Веди меня к кануннику, – велел Андрей.

Он хотел поставить свечи за упокой Гришиной души и Катенькиной. Оба померли внезапной смертью, без исповеди, без покаяния, и потому особо нуждались в молитвах.

Фофаня поставил Андрея перед канунником – и тот, умственным взором видя медное распятие, помолился – и как написано в молитвослове, и своими словами. Молитва эта была – как старинный двухголосный мотет, в котором каждый голос тянет свое, но музыкальная мысль так выверена, что гармонического противоречия не возникает.

– Господи, помилуй раба Своего Григория, он в помутнении рассудка дуэль затеял, я видел, я точно знаю, – говорил Андрей и одновременно звал: – Катенька моя, Катенька, отчего – ты? Что же это, как вышло? Ты-то теперь все знаешь, Христа ради – подсажи, хоть во сне явись, дай знак!..

Меж тем Афанасий с Еремеем чуть ли не в последнюю минуту отыскивали отца Данилу и сказали ему заветные слова. Тот ответил должным образом и через несколько минут выслал к ним алтарника с конвертом.

Сунув конверт за пазуху, Еремей пошел за питомцем и вывел его из собора. Следом поплелся недовольный Фофаня – он хотел отстоять службу, но Еремей напомнил о присяге.

Андрея усадили в возок, туда же Еремей втолкнул Фофаню. Тимошка подхлестнул коней вожжами, и они доставили возок к набережной Екатерининской канавы. Там Тимошка выбрал удобное место, чтобы остановиться.

Фофаня искал, чем бы надрезать плотный конверт. Подходящего ножика не нашлось. Тогда он, ничтоже сумняшеся, достал из потайной дырки на камзоле монетку с заточенным ребром, особую воровскую снасть для взрезания карманов.

В конверте оказалась стопочка писем, завернутых в бумагу, которая тоже являлась письмом.

– Это, кажись, вашей милости, – сказал Фофаня и начал читать: – «Любезный Соломин! Ежели ты держишь в руках сие послание, меня, стало быть, на свете нет. Где мое тело, я, разумеется, не знаю, смею надеяться, что похоронено и отпето. Коли нет – вели отслужить панихиду.

Вот тебе вместо завещания история, которую я раскапывал по просьбе моей несчастной сестры. Ее муж, Коростелев, о котором ты, несомненно, слыхал, в молодые годы совершал предосудительные поступки. То, о чем говорено было начальниками департамента в его присутствии, он сообщал за плату некоему лицу. По глупости он писал письма, и довольно подробные. Некое лицо, пользуясь сведениями, приобретало капитал. Как вышло, что те письма не были сожжены, я не знаю. Два года назад Коростелеву пригрозили их обнародовать. Это означало бесславный конец его карьеры, а пуще того – конец карьеры его сыновей, моих племянников. Он согласился ежемесячно платить некоторую сумму. Почувяв, что деваться ему некуда, безымянные подлецы стали эту сумму увеличивать. Сестра обнаружила беду, муж перед ней повинился. Их доходные дома заложены, драгоценности сестры проданы. Деревни, приданое сестры, также заложены, впору продавать. Ради племянников, которые из-за той истории разорены, я взялся распутать дело и выследить подлецов.

Я нанял себе в помощь отставного полицейского, Ивана Мельника. Ежели он жив, ты найдешь его через сына, что служит музыкантом в Большом Каменном и носит ту же фамилию. Скажи Мельнику условное слово: Акинъшин-де к хорошей невесте посватался. Он ответит: «Пусть бы взял в приданое хоть малую деревеньку». Тогда можешь с ним разговаривать, он все тебе доложит. Если же его нет в живых, как и меня, то сам решай, как быть. Вваливать тебе на плечи этот розыск я не могу. Но когда ты все же решишь вывести на чистую воду тех, кто вверг в нищету семейство сестры моей, погубил Беклешова и много иных бед наделал, то Бог тебе в помощь – а я, где бы сейчас ни оказался, молиться за тебя буду.

Найми человека, чтобы следил за Коростелевым. Пока у него есть хоть медный грош в кошельке, злодеи от него не отвяжутся. Он передает деньги с лакеем Демьяном. Демьян несет корзину с провиантом в новую мужскую богадельню, что у Волкова поля, а там его уж встречают и корзину забирают. Пакет с деньгами лежит обыкновенно на дне. Штуку с богадельней придумали недавно, когда мы с Мельником уже почти докопались до правды. Вот и все, что я знаю. Поскольку я к сей минуте мертв, то полагаю, Мельник без меня прекратил свой розыск – хотя бы потому, что оплачивать его труды некому. Если доведешь это дело до конца – Гос-

подь тебя вознаградит, я знаю точно. А засим, с уверением в совершеннейшем почтении, твой покойный друг Николай Акинышин».

Андрей молчал.

– Кажись, не следовало это послание тут читать, – минуту погодя сказал Еремей. – Сдается мне, баринок мой драгоценный, что наш Фофанюшка сейчас узнал то, чего ему знать не полагалось. И коли он вздумает помириться с той бабой Василисой и ее Дедкой, то новость об отставном полицейском, что, статочно, выслеживает их хозяина, будет отменным подарком...

– Да ни сном ни духом!.. – фальшивым голосом воскликнул Фофаня.

– Ты прав, – задумчиво произнес Андрей. – До поры нашего любезного ворюгу нужно где-то припрятать.

– Да я еще одну присягу принесу! На том же образе! – пообещал Фофаня.

– Мы не знаем точно, что он нагородил Василисе. И чем занимался, когда его в город отпускали, тоже не знаем, – Еремей был неумолим. – Возиться с воров, Андрей Ильич, была твоя блажь. Не обессудь – побаловались, и довольно. Мы, может, и вовсе в Берлин лечиться поедem, а ему тут жить. А он, вишь, маломерок, его всякая собака обидит. Вон он и будет юлить да подлизываться. Знаю я таких...

– И я таких видал, – добавил Афанасий. – А про Дедку скажу – слава Богу, что гостинодворские молодцы его подручных в лицо знают, не то те спустили бы меня ночью под лед, Дедка шутить не любит. У него в полиции кто-то свой, про облавы вовремя доносит...

– Да уж – а коли бы не Божья помощь, под лед спустили бы меня, – отвечал Еремей. – У меня с перепугу аж язык прильпе к гортани...

– Возвращаемся в деревню, – решил Андрей. – А там устроим правильный военный совет и сочиним диспозицию. Фофаня поедет со мной.

– Он любит, чтоб его за ворот держали, – и Еремей сам вложил в руку питомцу злосчастный ворот. – Не выскочил бы на ходу. А я – к Тимоше. Андрей Ильич, Тимошку бы наградить надобно. Щегольски вражий возок опрокинул!

– Наградим. Ну поехали, что ли?

* * *

Пока они разъезжали, деревенские хоромы Андрея выстыли до такой степени – казалось, на дворе теплее, чем дома.

Еремей тут же взялся командовать – велел Фофане разжигать печь, благо сухие дрова были сложены в запечке и в голбце⁴, Афанасия приставил драть бересту на растопку, Тимошку погнал за водой. Еремей решил напоить питомца горячим чаем с медом. Калачи к чаю привезли из города. В калачах Еремей разбирался. По тому, насколько пористым было плотное тесто, мог сказать, на льду ли месили или белых ручек пожалели. Пока разъезжали по столице, калачи замерзли, но Еремей знал способ, как их отогреть в горячих полотенцах.

Андрей, сидя на лавке в шубе, уже расспрашивал Афанасия:

– Твой барин увез с собой девку, Дуняшку, горничную Марьи Беклешовой. Обещался хорошо спрятать. Что тебе об этом известно?

– Я сам отвел девку к госпоже Коростелевой, – сказал Афанасий, – и передал на словах, что надобно не у себя держать, а поскорее найти ей приют в тихом месте. Сестра барина велела передать – спрячет надежно у добрых людей. У нее у самой-то нельзя – эти злодеи, которых мы

⁴ Голбец – здесь: конструкция для всхода на печь в избе. Имеет вид загородки или чуланчика с дверцами, лазом и ступеньками.

с барином ловили, тут же бы девку приметили. Они же у нас на хвосте висели. Я тех, кто нас выслеживал и барина моего заколол, заметил и узнать могу.

– Это понятно. А Дуняшка может узнать того подлеца, который ее барышню с толку сбивал. Жаль, не расспросил ее о приметах... Фофаня! Садись к столу, писать будешь.

Оказалось, Афанасий не умеет изображать человеческие лица словесно:

– Ну, первый, скажем, был ростом с меня, нос обыкновенный, лицо обыкновенное... одет обыкновенно...

– А ты бы узнал его в толпе? – терпеливо допытывался Андрей.

– Как не признать! Из целого полка признал бы!

– А по каким приметам, коли нос обыкновенный и все прочее – тоже?

– Он смотрит так... Плохо он смотрит...

– Записывай, Фофаня, – велел Андрей озадаченному вору. – И что, был этот обыкновенный господин среди тех, кто тебя в Гостином дворе сыскать пытался?

– Ясно дело, был!

– И кум Анисим его видел?

– Видел!

– Ну, уже кое-что. Пиши, Фофаня, – приметы взять у кума Анисима. Второй сукин сын каков?

– Да каков? Росту обыкновенного...

Стало ясно, чем придется заниматься на следующий день: беседовать с гостинодворскими молодцами.

– Тимошка! Теперь ты. Вспоминай, на кого похож... Есть! Догадался! Дядя Афанасий! На кого из полковых знакомцев первый злодей походил?..

Таким путаным путем определились весьма приблизительные приметы лазутчиков мусью Анонима: детина лет сорока, с лицом приятным, бритый, румяный, одетый в длинный бурый армяк, волосы под шапкой не разглядеть, и детина лет двадцати пяти, чернобровый и смугловатый, ростом на вершок пониже первого, в коротком тулупчике и черной финской шапке горшком. Тимошка добавил, что более молодой горазд бегать, а нос у него вроде кривоват, как будто имел рандеву с почтенным кулаком.

Потом Еремей забрал исписанные листки и предложил решить – как быть с Фофаней. Звучали тут проникновенные восклицания вора, и призывы к милосердию, и воспоминания о присяге. В ответ Фофаня слышал: присяга разом вылетит из воровской головы, когда ей придется иметь дело с Дедкиными приспешниками.

– Так все же просто, – сказал наконец уставший после суетливого дня Афанасий. – Уезжая завтра в город, взять с собой Фофанькино добро, включая штаны с башмаками. Пусть сидит дома в одной рубахе да печку топит, чтоб не околеть. Босиком по снегу недалеко убежит.

– Полезет в сундук с господским добром, – сразу сообразил Еремей.

– А сундук свезти на сохранение к здешнему попу. Сперва навесив замок. Да и прочие штаны, сколько их тут у вас есть, туда покласть.

Кончилось тем, что, когда улеглись спать, Фофаня чуть ли не полночи жаловался Афанасию на свою судьбу и изложил все перипетии жалкой своей жизни с точным подсчетом всех пинков, подзатыльников, зуботычин и палочных ударов.

С утра Андрей пошел стрелять, а дядька повез сундуки к местному попу, у чьей попады покупал простыни с наволочками.

Фофаня тоже явился в сарай и делал ценные примечания. Стрельба навскидку его заинтересовала, он снова похвастался метким дедом и предложил новую игру – стрельбу по памяти.

– Это как же? – удивился Андрей.

– А как дед полено кидал. Он ведь хитрый был, иным разом – тут же на голос метнет, а иным – выждет чуток. Запоминал, отколе голос был, вот что.

– Ну-ка, и я попробую, – решил Андрей. – Этакое может пригодиться.

– А что, ваша милость нож метать обучена? – спросил Фофаня.

Андрей задумался. В детстве что-то такое вытворял с дворовыми парнишками, но получалось плоховато, и старая липа, бывшая мишенью, от шалостей с ножом почти не пострадала.

– А ты, Фофаня?

– А я с ножом обращаться навывчен. При моем-то росточке я чем мог взять? Только ухваткой. Был бы хороший нож – показал бы. Меня старый маз учил, он меня пожалел. Говорил – тебя всякий обидит, а ты покажи лохам, что не лыком шит, и жулик в твоей хирге... нож в руке то бишь...

– Понятно. А как меня учить собираешься?

Фофаня после того, как его заподозрили в будущей измене, норовил выслужиться.

– Ножи надобны особые, чтобы лезвие чуть тяжелей рукояти, тогда нож острием вперед полететь должен. Хорошо, когда в рукояти есть кольцо, за которое привязать длинную веревку. Тогда нож, промахнувшись, тут же притянешь.

– А на сколько сажен можно прицельно кинуть нож?

– Тот старый маз, Митрох, на пять сажен кидал. Мне того не дадено, я на две с гаком.

– А что, персидские булатные карды сгодятся?

– Попробовать надо бы.

Тимошка принес два трофейных ножа, Фофаня одобрил отсутствие гарды, и первый урок начался.

Андрей был худощав, но умел вкладывать всю силу в бросок. Когда ему впервые удалось вогнать нож в стену, Фофаня нарочно измерил, насколько острие вошло в древесину. Оказалось – почти два вершка.

– Врешь, не может того быть, – сказал ему Андрей.

– Ей-богу! – подтвердил Тимошка.

Оказалось, Фофаня неплохой наставник. Дав Андрею почувствовать вкус первой удачи, он стал налаживать метание сперва на короткое расстояние, примерно на полторы сажени, – сам вкладывал кард в Андрееву руку, сам сжимал пальцы на лезвии, сам отводил эту руку на нужную высоту. Более того – сам ползал на корточках, правильно устанавливая Андреевы ноги: левую – вперед, правую – чтобы удобно было оттолкнуться в нужный миг и развернуть стан.

– Это, сударь, не шпага, запястье должно быть каменное, – учил он. – Не подкручивать нож-то, ни к чему! Вот большой палец лежит этак – и надобно думать, будто им, пальцем, целитесь. Вот жулик-то полетит сперва рукоятью вперед, потом развернется острием – и того довольно! Чего ему в воздухе кувыркаться? И руку выпрямлять надобно, вот этак...

Андрей увлекся. Ему казалось, что прошло совсем немного времени, и он очень удивился, когда его позвали к столу. Тогда и выяснилось, что Еремей со стряпней припозднился.

– Пока поедим, пока соберусь – и вовсе стемнеет, – сказал Андрей.

– А куда, сударик мой ненаглядный?

– К госпоже Коростелевой. Пусть бы сказала, где спрятала Дуняшку.

– Верно, – согласился Еремей. – Афоня, поедешь с барином. А я за нашим ворюгой присмотрю. Вот ведь сокровище навязалось на наши головы, чертово семя!

– Знамо, поеду. Меня-то барыня знает и в любое время велит к себе впустить. Да только с черного хода придется – ну, как там меня караулят?

* * *

Андрей дважды, не то трижды, бывал у Коростелевых вместе с Акинышиным – один раз, помнится, там обедали, один раз заезжали поздравить хозяйку с именинами. Он плохо помнил

сестру Акиньшина и совершенно не знал ее – в гостиной все дамы одинаковы. На всякий случай Андрей решил не говорить ей, что знает о ее невзгодах, – она либо не поверит, что слепой человек может вступить за нее, либо вздумает ему содействовать – это может оказаться еще хуже.

Выбежала горничная, просила подождать – барыня-де гостей не ждала и одевается.

– Скажи барыне – гость слеп, – велел Андрей.

Минуту погодя вышла госпожа Коростелева, закутанная в шлафрок⁵ дама лет пятидесяти, крепкого сложения, немного похожая на брата – с таким же смугловатым лицом, с татарским прищуром умных глаз.

– Господин Соломин, – сказала она, – я рада вам, я помню вас... Боже мой, могла ли я думать... Поверьте, я всей душой...

– Благодарю за сочувствие, сударыня, но я позволил себе явиться в такой час по делу, – спокойно сказал Андрей. Слушать взволнованный голос женщины, готовый расплакаться, он совершенно не желал. – А дело такого рода – слуга вашего покойного брата незадолго до несчастья привел к вам девицу с просьбой спрятать ее.

– Да, и я обещала, что помогу бедняжке.

– Она у вас?

– Нет. Господин Соломин, я менее всего хочу прослыть жестокосердной и неделикатной... но...

– Говорите все как есть, сударыня. Я крепче духом, чем может показаться.

Собеседница вздохнула:

– Видите ли, в тот же день ко мне приехала госпожа Кузьмина. Она искала вас... Просила меня написать записочку брату, чтобы он помог ей встретиться с вами...

Андрей не ожидал, что услышит в этом доме про Катеньку. Да, он же сам ей, кажется, как-то сказал, что сестра Акиньшина замужем за Коростелевым! Катенька поехала к незнакомым людям, чтобы они помогли ей вернуть жениха, до чего же он своим упрямством довел невесту – стыд и срам...

Теперь, когда Катеньки больше не было, Андрей перебирал в памяти все, что их связывало, и сам себе выносил приговор, состоящий из одного слова: недодал. Недодал любви, недодал нежности, внимания, заботы. Уговорился повенчаться на ней, еще не испытывая истинной любви, дурак! А по-настоящему понял, что любит, под Очаковым, в холодной землянке. Тогда только душа осознала, какое тепло исходит из Катенькиных глаз.

⁵ Шлафрок (с нем., устар.) – то же, что и халат.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.